

1/2020

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2020

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológii

Hlavný redaktor: prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)

Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. Dzmitry V. Dziatko, CSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. Larisa P. Golikova, CSc. (Krasnodar, RF)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
doc. PhDr. Mária Hricková, PhD. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Jana Kesselová, CSc. (Prešov, SR)
prof. PhDr. Natália Korina, CSc. (Viedeň, Rakúsko)
prof. PaedDr. Zuzana Kováčová, PhD. (Nitra, SR)
prof. PaedDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716

Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 9, 2020, 1
Toto číslo vyšlo v septembri 2020.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 4 *Ганна Навасельцава: Жанравы сінтэз у сучасным беларускім рамане*
Generic Synthesis in the Modern Belarusian Novel
- 12 *Валентина Владимірова – Надія Кириленко: Образ жінки в нарративній стратегії сучасної української жіночої прози*
Portrayal of Women in Narrative Strategy of Contemporary Ukrainian Women's Prose
- 22 *Zdeňka Matyušová: A. N. Afanasjev – etnograf a sběratel ruských pohádek*
A. N. Afanasyev – ethnographer and collector of russian fairy tale
- 31 *Jana Sokolová – Augustín Sokol: V termínoch ukryté... Krátky pohľad na vybrané termíny v priesečníkoch lingvistiky a paleontológie*
Hidden in the Terminology... A Brief Look at Select Terms in the Intersection of Linguistics and Paleontology

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 47 Об интерпретации передачи информации в языковом взаимодействии с позиций когнитивной лингвистики в монографии З. Ковачовой *Jazyk a (po)rozumienie textu z aspektu kognitívnej lingvistiky* (Ян Галло)

- 52 AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

ЖАНРАВЫ СІНТЭЗ У СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ РАМАНЕ

Ганна Навасельцава

Кафедра літаратуры
Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава,
Віцебск (Беларусь)

GENERIC SYNTHESIS IN THE MODERN BELARUSIAN NOVEL

Abstract: The innovative search of a content novel form in the modern Belarusian prose activates the tendency to the generic synthesis, for instance novel-essay, novel-confession. The biography novel and the life novel are the distinguishing forms in the creative work of Ales Pashkevich and Valentina Kovtun. The esthetic opportunities of Ales Pashkevich's novel "Krug" are used for the author biography reconstruction which reveals as a philosophical understanding of an author's role in the difficult social situation. Valentina Kovtun interprets the complex concept of a spiritual endeavor in her novel "Paklikaniya", where we see the creative polemic with the tradition of ancient life literature. The novel features are sense-making for these two authors and the other form is revealed on a style-making level.

Keywords: contemporary literature process, generic nomination, author's generic understanding, biography novel, life novel, A. Pashkevich, V. Kovtun

Уводзіны. У сучаснай беларускай прозе вядуцца актыўныя творчыя распрацоўкі змястоўнай формы рамана. Побач з тэндэнцыяй да мінімалізацыі буйных жанраў выяўляецца і відавочнае імкненне да жанравага сінтэзу, што звязана з высокай ступенню мадальнасці, некананічнасці раманнай формы. Так, вызначэнні «раман-эпапея», «раман-паэма», «раман-эсэ», «раман-памфлет», «раман-трагедыя», «раман-міф», «дэтэктыўны раман» і некаторыя іншыя раскрываюць жанравую спецыфіку твора ў адносінах да іншых родаў літаратуры або пазалітаратурных формаў.

У заходнееўрапейскай і рускай літаратуры эксперыментальныя аўтарскія пошукі даюць прыклады такіх жанравых намінацый, як «раман-каментарый», «раман-даследаванне», «раман-гратэск», «раман-фантазія», «раман-калаж», «раман-насланне» і гэтак далей, што ў цэлым вызначае спецыфіку сусветнага літаратурнага працэсу. Так, «у працэс жанраўтварэння ўключаюцца не толькі жанры з сумежных маўленчых сфераў (маналог, дыялог, споведзь), але таксама з галіны мастацтва (са зваротам да паэтыкі жывапісу, тэатра, кіно)» (Маркова, 2015, с. 25). Аўтарскае жанравае вызначэнне можа ўдакладняцца эпітэтамі, якія абазначаюць або тэму, або структуру твора. Разам з тым «відавочна, што справа не ў тэме,

памеры або структуры, а ў аўтарскай устаноўцы на стварэнне альяўнага поля, якое дапамагае кіраваць чытацкім успрыманнем» (Маркова, 2015, с. 25). Думаецца, жанравы сінтэз не толькі дазваляе пісьменніку стварыць патрэбнае ўспрыманне мастацкага палатна, але і прадуктыўна скарыстаць жанравыя мажлівасці абодвух формаў.

Матэрыял і метады даследавання. Аб'ектам даследавання выступаюць раман-біяграфія Алеся Пашкевіча «Круг», раман-жыццё «Пакліканыя» Валянціны Коўтун, прадметам абрана іх праблемна-тэматычная і жанрава-стылёвая спецыфіка. Для вывучэння выкарыстаны культурна-гістарычны, фенаменалагічны метады з элементамі кампаратывістыкі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. У беларускай літаратуры запатрабаваным у пісьменніцкай практыцы прыкладам жанравага сінтэзу выступае раман-эсэ. Цікавы і шмат у чым паказальны творчы вопыт Алега Лойкі («Як агонь, як вада», 1984, «Францыск Скарына, або Сонца Маладзкіковае», 1990, «Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі», 2009) і Андрэя Федарэнкі («Мяжа», 2009). У названых творах раманны канфлікт раскрываецца праз супастаўленне асобы мастака і яго часу, грамадскага асяроддзя. Дакументальнай асновай названых твораў выступаюць факты з біяграфіі аўтараў, у тым ліку малавядомыя дэталі пра іх творчую дзейнасць. Пры гэтым раманная аснова заглябляецца дзякуючы эсэісцкай эстэтыцы, адметнаму выкарыстанню аўтарскага вымыслу. Алег Лойка стварае мастацкую рэканструкцыю псіхалагічных партрэтаў Францыска Скарыны, Янкі Купалы, Уладзіміра Караткевіча, адлюстроўвае тагачасную гістарычную сітуацыю і вызначае яе ўплыў на творчыя дасягненні знакамітых майстроў слова. Андрэй Федарэнка выяўляе ўласнае бачанне як дзейнасці сучаснага пісьменніка, так і дасягненняў сучаснай літаратуры.

Спавядальная проза свабодна спалучае выяўленчыя мажлівасці філасофскага эсэ, дзённікавых запісаў, зместавы дыяпазон можа вагацца ад пропаведзі і павучання да сатырычнага адлюстравання рэчаіснасці. Так, аўтарская спавядальнасць прадвызначае мастацкую спецыфіку паказу рэчаіснасці ў рамане ў навелах «Чужое неба» (1969–1973) Барыса Сачанкі, як раман-споведзь вызначаецца твор Алеся Савіцкага «Пісьмо ў Рай» (2003). У цэлым раману з элементамі спавядальнасці або раману-споведзі ўласціва мастацкая аўтабіяграфічнасць, аповед вядзецца пераважна ад першай асобы, выяўлена найперш маральна-этычнае асэнсаванне грамадскай рэчаіснасці. Пісьменнік можа звяртацца да традыцыйнай раманнай формы або выбіраць спецыфічную – навелістычную – структурную арганізацыю. Творы Барыса Сачанкі і Алеся Савіцкага вызначаюцца пэўнай тэматычнай блізкасцю – гэта асэнсаванне ваенных падзей праз

дзіцячае або падлеткавае ўспрыманне, плённае выкарыстанне традыцыі літаратурнай споведзі. Адметнасцю творчай манеры Барыса Сачанкі выступае лаканізм, нязначная ступень апісальнасці, тады як Алесь Савіцкі выяўляе прыкметны публіцыстычны пачатак у раманным тэксце.

У сучасным прыгожым пісьменстве запатрабаваны не толькі раман-эсэ і раман-споведзь, але і іншыя адметныя формы жанравага сінтэзу. Класічная форма гістарычнага рамана, прадстаўленая ў творчасці Леаніда Дайнекі трылогіяй «Меч князя Вячкі», «След ваўкалака», «Жалезныя жалуды», перажывае істотную жанравую трансфармацыю. У творы «Назаві сына Канстанцінам» (2007) дынамічная мастацкая падзейнасць, істотная колькасць персанажаў, псіхалагічнае майстэрства ў раскрыцці асобы галоўнага героя рэпрэзентуюцца праз пашыраныя прасторава-часавыя каардынаты. Шматгранная гістарычная канкрэтыка эстэтычна падначалена рэканструкцыі нацыянальнага міфа, што ў выніку ярка выяўляе аўтарскую ідэю ў фінале твора. Апошнія дазваляе акрэсліць жанравыя характарыстыкі мастацкага палатна як рамана-міфа.

У беларускай літаратуры так званая «жанравая дыфузія» выкарыстоўвае эстэтычныя мажлівасці найперш традыцыйнай разнавіднасці. У прыватнасці, раман-біяграфія запазычвае вопыт біяграфічнага рамана. На сэнсаўтваральным узроўні выкарыстоўваецца прыём стылізацыі, напрыклад, у рамане-жыцці, што дазваляе як звярнуцца да старажытнага прыгожага пісьменства, так і творча палемізаваць з яго ўзорамі.

Раскрывае чалавечыя ўчынкі ў кантэксце часу раман-біяграфія Алеся Пашкевіча «Круг» (2001, 2003), які прысвечаны паглыбленаму асэнсаванню жыццёвага і творчага шляху вядомага беларускага паэта Уладзіміра Дубоўкі. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на біяграфічных дакументальных звестках, якія ўключае ў шырокі аксіялагічны кантэкст. Ужо напачатку твора пісьменнік суадносіць такія катэгорыі, як «учора» і «заўтра» з памяццю і праўдай, імкнецца акрэсліць розніцу ў іх разуменні, а таксама ўдакладніць для шырокага кола чытачоў партрэт асобы беспадстаўна рэпрэсаванага майстра слова. Алесь Пашкевіч па-мастацку вывучае розніцу паміж нараджэннем: як сам зазначае, стагоддзем таму ў сямейнай радасці і дзесяцігоддзем назад – у гонары нацыі. Філасофскай канцэпцыі, сфармуляванай надзвычай лаканічна: «Жыцьцё ад памяці да праўды і ёсьць сёньняшні шлях ад учора да заўтра» (Пашкевіч, 2005, с. 9), і падначалены творчы выклад біяграфіі, які вядзецца ад імя самога Дубоўкі. Выкарыстоўваецца і аповед ад трэцяй асобы, і «я»-апавядальная стратэгія, што дазваляе стварыць шматгранны партрэт паэта і чалавека, паказальнага прадстаўніка свайго пакалення.

Структурна твор падзелены на тры часткі, кожная з якіх раскрывае адметны этап з жыцця галоўнага героя. Сямейная гісторыя, яркія эпізоды з маленства і юнацтва дазваляюць прасачыць станаўленне асобы, якое адбывалася ў няпростых сацыяльных абставінах. Сялянскі сын, Уладзімір Дубоўка атрымаў настаўніцкую прафесію, служыў у Чырвоным войску, вучыўся ў Вышэйшым літаратурна-мастацкім інстытуце імя Валерыя Брусава. Апошні паказаны аўтарытэтным літаратурным настаўнікам беларускага паэта, дзякуючы якому малады Дубоўка пазнаёміўся з сусветна вядомымі паэтычнымі ўзорамі. Персідскія газэлі, японскія танка, італьянскія санеты, французскія віланелі не толькі захапляюць, але і абуджаюць пачуццё свайго, беларускага. Прызванне ўвекавечыць роднае герой адчувае няспынна, мабыць, з гэтай прычыны і не прымае да канца палітыку бальшавікоў, якія «адрэзалі нашу поўнач Летуве, у саміх беларусаў не спытаўшы, а захад Беларусі падарылі Польшчы... І што мне застаецца – Радзіма-сусвет?! Дык дзе ж яна?» (Пашкевіч, 2005, с. 37). Алесь Пашкевіч пераканаўча паказвае, што Уладзімір Дубоўка не жадае ўслаўляць савецкі лад, выступае прыхільнікам рамантычнай канцэпцыі Шлегеля, Арніма, Шэлі, бачыць сапраўднага паэта вышэйшым за аднадзённыя часавыя зрухі, а «паэзія, якая хоча перажыць сённяшні дзень, мусіць узвысіцца над ілюстрацыйнасцю, мусіць перастаць быць адно агітатаркай палітыкі і дзяржавы» (Пашкевіч, 2005, с. 42). У няпросты час, калі ўжо пачынаюцца арышты асобных дзеячоў культуры, Дубоўка цвёрды ў адстойванні сваіх эстэтычных і грамадскіх перакананняў.

У рамане ўзнаўляецца грамадская атмасфера эпохі, паказваецца бягучы літаратурны працэс. Эпізодычна адлюстравана сяброўства Брусава і Ясеніна, з апошнім знаёміцца і Дубоўка, чытае вершы беларускіх паэтаў, ад якіх Ясенін у захапленні. Беларуская паэзія шукае шляхі да прызнання развітымі літаратурамі, найперш рускай, і гэта востра адчувае галоўны герой, які становіцца актыўным удзельнікам новага творчага згуртавання «Узвышша». У яго статуце было зяўлена авалодванне бездакорнай культурай беларускай мовы, выпрацоўка жыццёвай сімволікі, дасягненне кантраснай вобразнасці і кампазіцыйнай дынамічнасці, з чаго вынікае імкненне да высокага творчага ўзроўню. Супрацоўніцтва Бабарэкі, Пушчы, Бядулі і іншых таленавітых аўтараў мае на мэце вырашэнне актуальных літаратурных задач, героі не імкнуцца да грамадскай увагі, тым больш не выказваюць нейкіх палітычных лозунгаў. Поспех іх часопіса сярод чытачоў выклікае незадаволенасць у «маладнякоўцаў», што спараджае з боку апошніх вострую і неаб'ектыўную крытыку, абвінавчванні ў нацыяналізме, надзвычай небяспечныя ў той час. Прыватная перапіска паміж Дубоўкам і «ўзвышшаўцамі» паказвае, што ўдзельнікі гэтага

творчага кола ў цэлым разумелі складанасць свайго становішча, аднак у тых грамадска-палітычных умовах змяніць яго ўжо не маглі. Як прызнанне, так і непрызнанне неіснуючых памылак вяло да немінучых трагічных наступстваў, што не прымусілі сябе доўга чакаць.

Пра чатыры арышты і дваццаць сем гадоў «пакут, абразай, гвалту, болю, маўчаньня» (Пашкевіч, 2005, с. 175) пісьменнік распавядае эмацыйна напружана і, разам з тым, па-дакументальнаму лаканічна. Яго, як і чытача, уражвае працяглы час зняволення, знясільваючая праца ў надзвычайных умовах, глыбокае чалавечае спадзяванне на справядлівае вызваленне. Алесь Пашкевіч не толькі перадае галоўнаму герою значную меру аўтарскага аўтарытэту, але і ў нейкай меры ідэалізуе яго паводзіны і ўчынкi, яго вачыма глядзіць на падзеі і час. Так, у маскоўскай турме Дубоўка сустракае Бабарэку, яшчэ раней, у мінскай Валадарцы, перакладае байранаўскага «Вязня». Абвінавачаны ва ўдзеле ў літаратурнай групе Саюза вызвалення Беларусі, высланы ў Яранск, дзе не толькі працуе рахункаводам, але і «саматужным» спосабам вырабляе каламазь.

Грамадская атмасфера на Далёкім Усходзе у перыяд Вялікай Айчыннай вайны перадаецца эпизадычна. Напрыклад, многія ў забайкальскім ГУЛагу просяць паслаць іх на фронт, аднак для гэтага трэба вырабіць двойную норму, што пры нішчымным харчы надзвычай цяжка. Тыя ж, хто ўсё ж выконвае гэту ўмову, адпраўлены не на фронт, а яшчэ далей у тыл, пад Чыту. Грамадская атмасфера пасляваеннага часу, асабліва пасля смерці Сталіна, раскрываецца ў паказальных дэталях. Не ўсе вядомыя мастакі слова гатовыя вітаць рэабілітацыю сваіх ранейшых сяброў, у якіх бачылі больш таленавітых супернікаў на літаратурнай ніве. Аўтарам асэнсоўваюцца вострыя адносіны Уладзіміра Дубоўкі і Кандрата Крапівы, у адрас якога напісаны гнеўны верш-абвінавачванне «Падобны з твару да машчэй».

Такім чынам, эстэтычныя мажлівасці раманнай формы выкарыстаны найперш для мастацкай рэканструкцыі біяграфіі, якая раскрываецца на ўзроўні філасофскага асэнсавання ролі мастака слова ў няпросты грамадскі час. Адметны жанравы сінтэз прадстаўлены і ў творчасці Вялянціны Коўтун, якая звярталася да ўвасаблення вядомых асоб з беларускай гісторыі і культуры. У прыватнасці, мастацкае асэнсаванне асобы Ефрасінні Полацкай (раман-жыццё «Пакліканья» (1998 – 2007)) спалучалася з паэтызацыяй хрысціянскай этыкі і духоўнасці.

В. Коўтун сінтэзавала летапісныя звесткі, гістарычныя дакументы, асобныя выказванні з Псалтыра, элементы «Аповесці Жыцця і Смерці святой блажэннай і найпадобнейшай Еўфрасінні, ігуменні манастыра Святога Спаса і найсвяцейшай Ягонай Маці, што ў Полацку», актына

выкарыстоўвала прыёмы дэтэктыўнага пісьма. Мастацкі аповед вядзецца ў форме ўспамінаў ад імя самой Ефрасінні і некаторых герояў, у тым ліку рэальных гістарычных асоб, якія ўваходзяць у «поле прыцягнення» знакамітай беларускай асветніцы. Складаная структурная арганізацыя – мастацкая рэцэпцыя мінулага раскрываецца падчас падарожжа да Галілейскай зямлі – дазваляе асацыятыўна супаставіць розныя часы, скіроўвае да філасофскага асэнсавання чалавечага жыцця.

Мастацкая падзейнасць паўнаватаснай гістарычнай прозы скіроўвае чытача да першай паловы XII стагоддзя, якое паказана ў міжусобнай барацьбе і войнах, калі над Полацкай зямлёй навісла пагроза страты дзяржаўнай самастойнасці. Кіеў, якому не падабаецца незалежнасць Полацка, таемна вёў перамовы з дрыгавічанскімі і палянскімі князямі, адбываліся сутычкі паміж мінскім князем Расціславам і полацкім Рагвалодам, Ноўгарад прэтэндаваў на землі Полацка. Выпрабаванні, праз якія праходзяць героі, адбываюцца на паказальным гістарычным фоне: Полаччыну спусташалі набегі хана Баняка, паміж полацкімі князямі Давыдам і Барысам таксама не было згоды, чума забірала мноства чалавечых жыццяў. Менавіта ў такіх надзвычайных умовах пісьменніца раскрывае псіхалагічныя партрэты шэрагу герояў, сярод якіх прыкметна вылучаецца Ефрасіння.

Вобраз галоўнай гераіні рамана адлюстраваны найперш паводле жыццёвага канону: прыгожая князёўна паказваецца бязгрэшнай, беззаганнай, мудрай ужо ў маладым узросце, чым кантрастуе з усімі іншымі героямі, амаль сімвалічна ўвасабляе ідэал хрысціянскай духоўнасці. Пісьменніца акцэнтуюе ўвагу на адметных здольнасцях шчырай верніцы, якая незвычайным чынам лекуе хворых, чуе анёльскія галасы. Увасабляюцца і моманты цудадзейнасці, напрыклад, калі Ефрасіння змагаецца з разбуральнымі сіламі: «Праз усё сп'янае ад крыві, жалезнага бразгату і стогнаў сечавое поле праносіліся д'ябальскія віхры, але ігумення, стоячы перад агромістай фігурай з чорнымі рагамі, што ўжо заносіў свой меч над маладым верхайцам у княжых латах, зноў гучна паўтарыла: "Ізыдзі ў прорву сваю!"» (Коўтун, 2007, с. 138). Такім чынам у творы паслядоўна сцвярджаецца ідэя вышэйшай абранасці гераіні, якая дбае не толькі пра хрысціянства на полацкай зямлі, але і пра справы мірскія.

Праз паказ лёсу Ефрасінні Полацкай пісьменніца выяўляла маштабны гістарычны малюнак быцця нашых продкаў, асэнсоўвала маральна-этычны свет людзей таго часу, акцэнтавала пастаянную барацьбу добра і зла, святла і цемры. Ідэя любові да чалавека праз любоў да Бога выяўляе сутнасць характару Ефрасінні. Міласэрнасць, прызнанне вартасці любога чалавечага жыцця кіруюць учынкамі манахіні, калі яна клапаціцца пра

вызваленне смердаў-язычнікаў, калі спускаецца ў вязніцу, дзе сядзяць жорсткія забойцы і рабаўнікі, калі дапамагае бедным і нешчаслівым. У гэтым Ефрасіння нагадвае Алаізу Пашкевіч (раман «Крыж міласэрнасці»), якая праз спасціжэнне міласэрнасці прыйшла да хрысціянскага светаразумеання, да абавязку чалавека несці духоўны «крыж». Ефрасіння Полацкая і Цётка ў В. Коўтун «пакліканья»: іх прызначэнне – рабіць дабро, дараваць надзею людзям, паказваць шлях да любові і згоды паміж людзьмі. Цётка і Ефрасіння шукаюць такіх самых «пакліканых», што будуць памнажаць чалавечнасць і дабрыню на зямлі. Падчас падарожжа да далёкай Галілейскай зямлі Ефрасіння з абвостранай сілай адчувае кроўную повязь з роднай Полаччынай. Малітва за полацкую зямлю акцэнтуюе духоўную веліч галоўнай гераіні.

Такім чынам, у творы раскрыты погляд аўтара на гістарычныя падзеі. Мастацкае асэнсаванне мінулага на ідэйным узроўні падначалена суб'ектыўнаму пісьму, якое патрабуе чытацкай ўвагі да характараў, унутранага свету выбранай асобы. Пісьменніца па-наватарску выкарыстоўвае традыцыю жыццёвай літаратуры, у выніку чаго рэпрэзентуецца новы тып мастацкага псіхалагізму: ідэалізацыя святога, характэрная твораў даўняй літаратуры, актуалізуе цікавасць сучаснага чытача, выступае эстэтычным прыёмам, які скіроўвае да вывучэння культурнай спадчыны. Таксама паглыбляецца філасофская канцэпцыя рамана: з улікам вопыту літаратурных папярэднікаў Валянціна Коўтун распрацоўвала якасна новую праблему ў беларускай прозе – праблему духоўнага подзвігу ў імя Радзімы і чалавецтва.

Заклучэнне. Жанравы сінтэз рамана з іншай літаратурнай або пазалітаратурнай формай дазваляе мастаку слова акцэнтаваць абраныя эстэтычныя ўласцівасці, выбраць прыёмы прыцягнення і ўтрымання чытацкай увагі. Алесь Пашкевіч, Валянціна Коўтун імкнуцца зацікавіць шырокую аўдыторыю жыццёвым шляхам вядомых творчых асоб, знакамітых дзеячаў беларускай культуры, пра якіх ужо напісана доволі шмат. Ускладненая мастакоўская задача, якая заключаецца ў тым, каб расказаць займальна, захапляльна, паведаміць нешта новае і ў выніку сфарміраваць чытацкае ўяўленне, і абумоўлівае зварот да рамана-біяграфіі і рамана-жыцця.

Паслядоўна рэканструюецца дакументальная аснова, выкарыстоўваецца прыём стылізацыі старажытнага пісьменства, творча ўзнаўляецца жыццёвы канон. Спалучэнне вышэй названага з раманным псіхалагізмам, актыўным выкарыстаннем «я»-апавядальнай стратэгіі ў паказе галоўнага героя, перадачай яму значнай меры аўтарскага аўтарытэту і нават аўтарскім пераўвасабленнем у выбранага персанажа і абумоўліваюць

мастацкае наватарства. У рамане-біяграфіі, рамане-жыцці мастацкім цэнтрам выступае асоба, якая асэнсоўваецца ў варунках свайго часу, а таксама ў агульнафіласофскім кантэксте. Такім чынам раманны пачатак выступае сэнсаўтваральным, а другая форма, выбраная аўтарам, выяўляецца найперш на стылеўтваральным узроўні.

Жанравы сінтэз у сучасным беларускім рамане прадстаўлены такімі прыкладамі, як раман-эсэ, раман-споведзь, раман-міф, раман-біяграфія, раман-жыцце. Названыя мастацкія формы дазваляюць раскрыць складаную праблематыку, даюць высокую ступень аўтарскай свабоды, выбар стратэгіі узаемадзеяння з чытачом. Пошук і апрабацыя новых формаў «жанравай дыфузіі» ў творчай практыцы аўтараў выступаюць адным з паказчыкаў яе мастацкай плённасці.

ЛІТАРАТУРА

- КОЎТУН, В.: Пакліканыя: раман-жыцце. Мінск: Мастацкая літаратура, 2007. 247 с. ISBN 978-985-02-0899-6.
- МАРКОВА, Т.Н.: Пути жанровых трансформаций в русской прозе рубежа XX – XXI веков. In: Метамарфозы жанра в современной литературе: сборник научных трудов. Москва: ИНИОН РАН, 2015. с. 7 – 26. ISBN 978-5-248-00754-7.
- ПАШКЕВИЧ, А.: Круг: раман-біяграфія. Мінск: Беллітфонд, 2005. 200 с. ISBN 985-6576-71-7.

ОБРАЗ ЖІНКИ В НАРАТИВНІЙ СТРАТЕГІЇ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЖІНОЧОЇ ПРОЗИ

Валентина Владимірова – Надія Кириленко

Кафедра української мови і літератури
Сумського державного педагогічного університету
імені А. С. Макаренка, Суми (Україна)

PORTRAYAL OF WOMEN IN NARRATIVE STRATEGY OF CONTEMPORARY UKRAINIAN WOMEN'S PROSE

Abstract: The authors analyze the texts of contemporary women's prose (works by O. Pechorna, V. Mastierova, S. Talan), that is a notable element of Ukrainian literary process of the recent decades and presents modern ontological concepts and behavioral patterns, actualizes gender issues, cultivates the world of moral and ethical values, which is important nowadays. New narrative strategies of women writers are renewing continuously, therefore, providing an opportunity for further discourse in literature studies.

The researchers emphasize the feminist orientation of the texts, the peculiarity of fictional narration, the means of character formation shown in the main heroes, the diapason of their world perception, which is constantly transforming. The authors offer new ways of interpreting moral and ethical problems in their works, they create a new concept of women's personality. In thematic diapason of the text prevail artistically modeled situations of heroes' existential choices, and the problem of spiritual loneliness in urbanized world became a dominant mode of being for many heroines and the writers present a highly philosophical level of comprehension.

Each of the studied texts presents a unique story of heroine becoming a self-sufficient personality, who acquires life experiences and improves her behavior models. It is possible to state that modern women's prose as a whole organically synthesizes esthetic and creative as well as cognitive-analytical precepts for readers.

Keywords: women's prose, feminism, women's identity, moral and ethical problems, gender analysis

Практика жіночого письма в сучасній літературознавчій науці ще й до сьогодні продукує появу численних дефініцій, появу такого визначення, як «жіноче письмо», щодо якого видається доречним висловлювання Гелен Сіксу про неможливість вичерпного визначення самої «жіночої практики письма, і ця неможливість існуватиме завжди, якщо ця практика не буде затеоретизованою, закритою, закодованою, але це не означає, – зауважує дослідниця, – що її немає взагалі» (Сіксу). Англійська письменниця Вірджинія Вульф ще в 30-х роках минулого століття констатувала

те, що «... жінки відчувають так само, як і чоловіки; їм потрібно реалізувати власні здібності» (Вульф, 1999, с. 65). Час від часу в сучасній літературознавчій науці з'являються судження про феномен жіночої прози, намагання його осмислити, визначити домінуючі закономірності, передбачити динаміку розвитку художньо-естетичних векторів (Л. Волощук, С. Жила, Н. Косинська, О. Романенко та ін.). Такі дослідники, як Н. Зборовська, М. Крупка, Л. Таран звертали увагу на особливості організації часопростору у творах М. Матіос, Є. Кононенко, І. Роздобудько та ін., однак проблема вивчення сучасної жіночої прози далека від вичерпності хоча й тому, що активно поповнюється новими іменами. Крім цього, вона дає можливість активно розширювати науковий простір різноплановими інтерпретаційними системами, робити слушні висновки про специфіку постколоніальної та феміністичної стратегій.

Сучасній читацькій аудиторії пропонуються численні твори різних жанрів, у яких постмодерна інтерпретація пошуку життя героїнями часто доповнюється екзистенційно-філософськими колізіями. Таким чином, нові нарративні стратегії жіночого письма активно напрацьовуються, відкриваючи при цьому новий простір для обговорення.

Творчість Валентини Мастерової, Олени Печорної, Світлани Талан стала цікавим феноменом сучасного літературного процесу, фактом перегляду багатьох сутнісних загальнолюдських проблем чи осмислення життєвих реалій, нав'язаних соціумом, у світлі жіночої екзистенції і презентує читачам широкий спектр почувань героїнь, становлення особистісного «Я». Морально-етична проблематика, художньо змодельовані різнопланові життєві ситуації, презентовані письменницями на високому філософському рівні осмислення, здатні знайти максимальний відгук у сучасних читачів.

У романі Олени Печорної «Грішниця» головна героїня постає як центр екзистенційних станів, домінуючим із яких є самотність, неможливість гармонійного існування не тільки з соціумом, а й з найріднішими людьми. У філософії екзистенціалізму абсурдним вважається людське існування, яке відбувається в умовах втрати його сенсу, відсутності можливості духовної самореалізації, що в першу чергу тісно пов'язане з повним відчуженням особистості від навколишнього світу. Постійне відчуття самотності, непотрібності можна також потрактувати як глибоке екзистенційне самозанурення, відчуття абсурду існування та приреченості в ньому маленької беззахисної людини, а також ізоляваності, здатної привести до трагічних наслідків індивідуума. Однак екзистенційні переживання активізують духовні сили, спонукають до пошуку власної шкали

цінностей, а процес внутрішньої комунікації поступово сприяє відновленню комунікації із зовнішнім світом.

Альфред Ленгле констатував, що метою екзистенціального аналізу є насамперед завдання «відновити або закріпити відкритість людини для себе самої задля діалогічного обміну зі світом» (Ленгле, 2011, с. 46). Цей обмін-діалог є необхідною умовою не тільки самовідновлення (як фізичного, так і духовного), а й можливістю духовно-фізичного існування для більшості героїнь сучасних текстів.

Ведення щоденника стало важливим засобом самоаналізу для головної героїні роману Олени Печорної «Грішниця», бо, як слушно зауважував дослідник, «... щоденник є правдивою реєстрацією свідомих думок, почуттів і мотивів. Те нове, що він може відкрити, стосується скоріше емоційних переживань, про які не знає й сам автор щоденника» (Ленгле, 2011, с. 9). Щоденні записи-спогади сприяють також розгерметизації «Я», стимулюють до відновлення втрачених гармонійних стосунків із соціумом, бо, на думку Е. Фромма, «людина одночасно самотня й знаходиться в тісному зв'язку з іншими представниками роду людського. Вона самотня тому, що унікальна, нема більше нічого й нікого тотожного їй, вона усвідомлює себе окремим індивідуумом. Людина самотня, коли їй необхідно давати особистісні оцінки, самостійно приймати рішення, спираючись тільки на свій Розум. Однак самотність несприятлива для людини... її щастя можливе лише в разі існування почуття солідарності з ближніми, з минулими та майбутніми поколіннями» (Фромм, 2011, с. 88).

Аксіологічна система цінностей головної героїні роману Олени Печорної «Грішниця» ще з раннього дитинства починає руйнуватися, бо такі поняття, як батьківська любов, домашній затишок, взаємоповага, порозуміння спотворені характером взаємовідносин у родині, а негативний досвід перебування в ній відповідно стимулює в подальшому включення механізму природного захисту фізично-духовного існування. Небезпечні життєві ситуації насправді часто трапляються на її життєвому шляху, продукуючи нестерпні душевні муки.

Внутрішній травматичний досвід позначився на всій подальшій долі Лариси, сприяв негативній корекції її життєвих пріоритетів. У романі весь час спостерігаємо тонке нюансування переживань Лариси, різноплановість чуттєвих деталей, майстерно відтворених письменницею. Дівчина змалку хотіла «стати невидимкою або навчитися не дихати, хоча краще – просто зникнути. Особливо обережною доводилось бути, коли на столі з якоїсь причини не ставало пляшки з мутним самогоном чи ще з якоюсь бормотухою. У будинку могло не бути їжі по кілька днів, однак присутність алкоголю була обов'язковою, інакше... У такі моменти

ховатися навіть у найтемнішому кутку будинку було небезпечно, і я бігла з пекла в ніч, дощ, сніг, бігла з короткою молитвою: аби не наздогнав» (Печорна, 2011, с. 20). Героїня роману змушена переживати глибоку душевну кризу через життєві потрясіння, невиліковну хворобу, що призвело її до пригнічення, психічного виснаження, тривоги, відірваності від світу. Ці симптоми складають стиль життя головної героїні, внутрішнє «Я», у якому «світ вже давно став чорного кольору» (Печорна, 2011, с. 11). Трагедійність ситуації для неї полягає ще й у відсутності моральної підтримки найрідніших людей. Помітно, що письменниця вміло заглиблюється в кризові ситуації героїні, активізує трагічне усвідомлення нею своєї долі.

Страждання Лариси в різні періоди її життя Олена Печорна часто передає через пейзажні дедалі, що тонко перегукуються з її душевним настроєм. Не лейтмотивний, а констативний характер носить і заголовок роману, яким авторка залучає читачів до осмислення зображуваних подій не тільки на буттєвому рівні, а й на символічному.

Драматична історія життя жінки простежується й у романі Валентини Мастерової «Суча дочка». Як зазначає О. Сизоненко, «вона з болем і гнівом розкрила одну з найтрагічніших сторінок нашої дійсності – зречення материнства!» (Мастерова, 2016, с. 5). Він вважає, що в основі більшості вчинків і поведінки героїв твору закладений «камертон народної моралі й духовності» (Мастерова, 2016, с. 5).

Тема нещасливої долі жінки-матері – традиційна для української літератури і фольклору, але В. Мастерова репрезентує її по-своєму. У творі культивується вроджена жіноча автентичність, підносяться жіночі права, зокрема право на володіння «особистим простором», свободи вибору, право на материнство, вивищення духовних цінностей над матеріальними.

Головна героїня роману Олена за своє жіноче й материнське щастя повинна відчайдушно боротися. Закладений на генному рівні інстинкт материнства, відповідальність змушують її зробити важливий крок – усновлення позашлюбного немовляти подруги. З погляду християнських заповідей – благородно, але не для сільської моралі минулого століття, її консервативних стереотипів. У таких умовах цей учинок не може принести насолоди від материнства, навпаки, він стає відправним моментом, із якого починаються життєві труднощі й випробування Олени. Бачимо, як свій, органічний духовний простір існування змінюється на простір чужий, навіть ворожий, що вже тепер не «дихав з усіх кутків материнським теплом» (Мастерова, 2016, с. 11). Позначений етноментальними маркерами-кодами: «... давні бабині рушники на таких же іконах. Намальована

колись дідом Іваном картина в масивній саморобній рамі. На ній дівчина з довгою косою стоїть босоніж на мокрому піску, вдивляється на другий берег ріки, де один, без господаря, кінь п'є воду» (Мастерова, 2016, с. 11), він одразу стає чужим після повернення головної героїні в рідну хату з немовлям. Дитячі спогади, душевний спокій, прихильність найрідніших людей стають приреченими на забуття. Сакральні символи теж утрачають своє значення: «Десь у коморі, у старій скрині лежали ще малюнки без рам на домотканому полотні. Оленка відчула, що відривається не тільки від домівки, а й від цілого світу, в якому залишається її дитинство» (Мастерова, 2016, с. 11). Гармонійному просторові протиставляється чужий – тісна похмура фабрична кімната в місті, яку Олена винаймала з подругою: «Прожитий день у маленькій кімнатці нагадував добровільне ув'язнення, коли дівчина нічого не відчувала, окрім суму за домівкою» (Мастерова, 2016, с. 12). Цей уривок красномовно вказує на духовну близькість героїні зі своїм дитинством, малою батьківщиною. Подальша модель поведінки одинокої матері досить типова і передбачувана: змушена тяжко працювати, терпіти образи оточуючих, самотужки піклуватися про дитину, боротися за щоденне виживання.

Зневажливе ставлення до жінки, яка виховує позашлюбну дитину, травмує психіку героїні, і закономірно психотравматичний досвід породжує внутрішню дисгармонію, екзистенційну опозицію «Я» зі світом: «Жила усамітненим від села життям... Дивилася, ніби збоку, на себе й на людей і намагалася зрозуміти, чи правильно вчинила. І кожного разу життя підказувало протилежні відповіді. Годувала дитину, купала, прала пелюшки, Але все тільки тому, що так треба робити. А коли по кілька ночей маля не давало заснути, докоряла собі, що забрала, і ненавиділа Любу... Спочатку жевріла надія, що та одумається, повернеться, й тоді для неї закінчиться ця добровільно взята на себе ганьба» (Мастерова, 2016, с. 32). Ця «добровільно взята ганьба» була не лише її, вона автоматично перенеслася на всю родину. Це все більше відчувала Олена, і почуття провини перед батьками теж збільшувалося. Бачила, як мати «боляче переживає ганьбу, що увійшла у їхній дім разом із дитиною», бо «їй і самій боляче, але не від сорому перед людьми, а від образи, що мусить вона і її рідні переносити той сором» (Мастерова, 2016, с. 29).

Переломним моментом для героїні стає кохання, шлюб, надія на повноцінну сім'ю. Олена користувалася повагою серед односельців, бо багато працювала, рани в серці заживали, а її інтровертне душевне життя цього періоду експліковано в характеристиці «польова царівна». Стан закоханості («вона мріяла про таку любов» (Мастерова, 2016, с. 82) став альтернативою її сірим будням, про що свідчать красномовні художні

деталі, майстерно виписані авторкою. Любов підносить героїню, вона «ні про що не думала, була настільки щасливою, що аж лякалася свого щастя. Поволі почала звикати до великого міста... Хотіла увібрати у себе його дух, злитися з ним, як злилася душею з рідним селом» (Мастерова, 2016, с. 92). Але, на жаль, ідилія закінчується в той час, коли Володимир зустрічає іншу жінку, обирає її матеріальні статки. Бачимо, як змінюється ставлення чоловіка до Олени, вона вже є не тією сільською «польовою царівною», яку він уперше зустрів, а стає тепер «надто приземленою, зі своїми невдачами, чужою дитиною, наївним бажанням бачити світ іншим, ніж тим, яким він був насправді» (Мастерова, 2016, с. 107). Відтоді в Олени серце «чітко вистукує чоловічу зраду» (Мастерова, 2016, с. 107).

Щастя залишається в минулому, а головна героїня змушена з двома дітьми шукати виходу з ситуації в чужому для неї просторі, у сільській старій хаті знахарки баби Степаниди. Стівен Джозеф пише, що, «коли людина тим чи іншим чином приймає свою долю й усі страждання, які вона із собою несе, коли вона так чи інакше несе свій хрест, вона навіть у найтяжчих умовах отримує можливість привнести у своє життя більш глибокий сенс. Вона може залишатися хороброю, зберігати гідність, піклуватися про оточуючих. А може забути в боротьбі за виживання про будь-яку гідність і тим самим опуститися до рівня тварини. Людина може або використати подаровану їй можливість, або відмовитися від шансу віднайти моральні цінності, які несе із собою складна ситуація, в яку вона потрапила» (Джозеф, 2015, с. 34).

Знову перед героїнею стоїть вибір: зламатися чи не коритися долі. Але в межовій ситуації вміння співпереживати, відчувати біль інших допомагають Олені зберегти власну гідність, людське начало, вистояти, довіритися цілительці, яка вела усамітнений спосіб життя й була здатною до співпереживання.

Авторка художньо репрезентує ситуацію емоційної травми, вийти з якої можна лише шляхом внутрішнього самоаналізу, співпереживання іншої особистості, «емоційного прихистку», який, як вважає психолог Роберт Д. Столорю, є тим інтерсуб'єктивним контекстом, що творить людські стосунки, «в межах яких... хворобливі емоційні переживання можуть бути зрозумілі, сприйняті та тим самим утримані від дисонації, артикульовані й інтегровані в структуру самості» (Столорю, 2016, с. 105). Завдяки мудрості й досвіду цілительки Олена знов отримує шанс внутрішньо відновитися, бути почутою, а її настанови («не прислухайся до людського поговору», «якщо до чогось прийшла, щось вистраждала, то й не думай, що всі тебе зрозуміють чи оцінять» (Мастерова, 2016, с. 155) розгерметизовують душу для світу та дають надію на майбутнє щастя.

Письменниця художньо інтерпретує такі поняття екзистенціалізму, як внутрішній герметизм, буття людини в чужому просторі, вплив психотравматичної ситуації на динаміку особистості. «Травма спонукає нас замислитися про наші цінності, мотиви, пріоритети. У результаті ми нерідко відмовляємося від колишніх поглядів на життя і створюємо нові цінності, мотиви й пріоритети... той, хто зазнав негараздів, міцніше стоїть на ногах перед лицем нових труднощів, а страждання дає корисні уроки для життя», – зазначав Джозеф Стolorоу (Стolorоу, 2016, с. 165).

Авторка роману точними художніми деталями відтворює соціальну дійсність, у якій живе Олена, де у свідомості людей насаджується почуття страху, нівелюються індивідуальні риси людини, а реалії щоденного існування радянських людей постають перед читачами дуже непривабливими: «... ржаві оселедці, залежаний товар в магазині», колгоспні рознарядки, «конкретні люди, і цілий народ стають заручниками якогось недоумкуватого лідера, якому бракує елементарного відчуття власної нікчемності, через що летять у прірву роки й десятиліття розвитку держави або ж маленького села, безхарактерного, заляканого війнами, голодом, злиденним життям» (Мастерова, 2016, с. 97).

У читачів є детальна можливість простежити, як жінка екзистенційно приречена вступати в конфлікт із соціумом, боротися за особисту ідентичність. Сільське середовище, де героїня прожила значний час, змальоване консервативним, не здатним сприймати «інших», індивідуальних, тих, хто зважився хоч частково вийти за усталені ним морально-етичні імперативи. Однак можна констатувати, що авторка дещо й стандартизує сільське середовище, що характерно для сучасної масової літератури, але природа і праця стають тими факторами, що відновлюють душевні травми головної героїні, повертають Олену до себе справжньої, надають життю нового смислу, можливості «мати душу в порядку» (Мастерова, 2016, с. 191). Потяг до життя, інстинкт материнства стають рушійними силами головної героїні на шляху до щастя.

У романі Світлани Талан «Коли ти поруч» художньо розробляється мотив підпорядкування долі абсурдному випадку, як і в романі Валентини Мастерової «Суча дочка», батьки теж відвертаються від власної доньки, яка під час страшної аварії, рятуючи інших, заразилася невиліковною хворобою. Як зазначає авторка, «звичайна, добра і чуйна людина випадково захворіла на СНІД і відразу ж була відштовхнута сучасним суспільством, яке не готове сприймати таких недужих... проте невігластво оточення не зломило її: «... не багата у фінансовому плані моя героїня багато душею» (Талан, 2015, с. 8).

Мотиви добра, співчуття, порозуміння є домінантними у творі й художньо активізуються через образ головної героїні Даші, медичної сестри, яка в страшній аварії з тяжкими ранами самовіддано надає допомогу для порятунку незнайомої людини. Цей випадок кардинально змінить хід її подальшого життя, визначить ряд психотравматичних ситуацій, із яких головна героїня відчайдушно шукатиме вихід.

Лейтмотивом твору стали слова Н. Джонсона, активіста руху проти СНІДу: «Ви можете любити людей, хворих на СНІД. Ви можете торкати-ся їх. Ви можете бути друзями. Ви можете доглядати їх. Ми всі однакові» (Талан, 2015, с. 8). Авторка роману звертає увагу на тих, «кому справді зараз важко», до того ж, наголошує вона, «не завжди гроші вирішують усе – це на прикладі свого життя доводить моя героїня» (Талан, 2015, с. 8). Динамічне розгортання сюжету, експресивна манера письма, талановите зображення внутрішнього драматизму головної героїні робить твір цікавим і повчальним для сучасних читачів.

Творча спадщина С. Талан становить невід'ємну частину сучасного українського літературного процесу. У одному з останніх її романів «Букет улюблених квітів» перед читачами постає складна гама душевних переживань головної героїні, її рефлексія щодо подій майже тридцятилітньої давнини.

Упродовж розвитку сюжету спостерігаємо страждання Тамари через трагічну смерть дорогих серцю людей – матері та чоловіка, намагання віднайти рідного батька, а психологічну напругу увесь час посилюють епізоди, пов'язані з білими лілеями: щоранку їх таємно хтось приносить на могилу в річницю загибелі матері, а останнім часом ці квіти стали з'являтися в неї щодня на подвір'ї, сіяти в її душі тривогу.

Головна героїня зцілює душу спогадами про раннє дитинство, колишнє щасливе подружнє життя з Марком, не раз переконує себе, що «на долю кожної людини випадають випробування, зради й образи, але мудрий уміє забувати про удари життя, прощати винуватців, покидати неприємності в минулому. Я ж кайданами скута з минулим, із моїм Марко. Хай як силкуюся відпустити його – не вдається» (Талан, 2019, с. 99). Як зазначав З. Фрейд, «... спогади, які лишилися, ведуть до важких психічних травм, зокрема тоді, коли вони не були прожиті», спонукають особу страждати, «на котрі вона уповні не відредагувала» (Фрейд, 2006, с. 193).

Варто зауважити, що ретроспекція минулого в головних персонажів – Тамари, Славіка, Маріуша – різна, зокрема, героїня не воює з реальним світом, тоді як життя чоловіків переповнені жагою помсти й недовіри один до одного, коли вони потай опиняються в одному невеликому провінційному місті, щоб в'яяснити давні життєві історії. «... Маріуш

носив пістолет із собою всюди. Для того, щоб устромлений за пояс джинсів «макаров» залишився непомітним для стороннього ока, він прикривав його на кілька розмірів більшою, ніж потрібно, футболкою навипуск» Чоловік відчував, як у ньому щодня зростає бажання помсти...» (Талан, 2019, с. 257).

С. Талан вибудовує сюжетний лабіринт твору так, що головна героїня постійно опиняється в життєвих ситуаціях, наповнених внутрішнім драматизмом і психологічною напругою. Сюжетна значущість сцен із букетом білих лілій від таємничого незнайомця, які Тамара щодня знаходить біля будинку, є в цьому плані визначальною. Улюблені квіти приносять їй радість, але й повертають спогадами в далеке дитинство, у день трагічної смерті матері, свідком якої вона мимоволі стала, завдають їй невимовного душевного страждання, ведуть до драматичного світовідчуття та страху. Героїня упродовж усього твору не може дізнатися, із якою метою незнайомец приносить їй щоранку букет свіжих лілій.

С. Талан, на нашу думку, удалося увесь час тримати читачів у стані постійної заінтригованості, колізії долі героїв виглядають дещо навіть карколомними, як-то життєва історія Славіка чи Маріуша. Градус читацької напруги знаходиться в стані постійного зростання, однак усі життєві перипетії закінчуються в кінці роману хепіендом.

Отже, сучасна жіноча література є помітним фактом українського літературного процесу кількох останніх десятиліть і виразно презентує сучасні онтологічні концепти та поведінкові моделі, актуалізує гендерну проблематику, культивує світ морально-етичних цінностей, важливих для сьогодення. Нові нарративні стратегії жіночого письма постійно оновлюються, отже, дають широку можливість для подальших літературознавчих дискурсів.

Кожен із розглянутих нами текстів є унікальною історією становлення жінки як особистості, яка в різних життєвих перипетіях набуває важливого життєвого досвіду і постійно вдосконалює модель поведінки, залишаючись при цьому сильно, вольовою, здатною до боротьби за власне щастя. Можна констатувати, що сучасна жіноча проза в цілому органічно синтезує естетично-творчі та пізнавально-аналітичні настанови для читачів.

ЛІТЕРАТУРА

ВУЛЬФ, В.: Власний простір / пер. Я. Чердаклі. Київ: Альтернативи, 1999. 112 с. ISBN 966-7217-42-6.

ДЖОЗЕФ, С.: Что нас не убивает. Новая психология посттравматического роста / пер. И. Ющенко. Москва: Карьера Пресс, 2015. 352 с. ISBN: 978-5-00074-055-2.

- ЛЭНГЛЕ, А.: Эмоции и экзистенция; пер. с нем. 2-е изд., стереотип. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2011. 332 с. ISBN: 978-617-7022-89-2.
- МАСТЕРОВА, В. М.: Суча дочка: роман / передм. О. Сизоненка. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2016. 240 с. ISBN 978-966-14-8776-4.
- ПЕЧОРНА, О.: Грішниця: роман / передм. М. Іванцової. Харків: Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2011. 288 с. ISBN 978-966-14-2473-8 (epub).
- СИКСУ, Э.: Смех Медузы / Пер. В. Постникова. URL: <http://www.proza.ru>.
- СТОЛОРΟΥ, Р.: Травма и человеческое существование. Автобиографические, психоаналитические и философские размышления / пер. с англ. Москва: Когито-Центр, 2016. 120 с. ISBN 978-5-89353-463-4.
- ТАЛАН, С. О.: Букет улюблених квітів: роман. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного дозвілля», 2019. 288 с. ISBN978-617-12-5639-2.
- ТАЛАН, С. О.: Коли ти поруч: роман. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2015. 320 с. ISBN9789661428996.
- ФРЕЙД, З.: Истерия и страх. Москва: ООО «Фирма СГД, 2006. 326 с. ISBN 978-5-222-19226-9.
- ФРОММ, Э.: Бегство от свободы. Человек для себя / пер. Д. Дудинский. Москва: ООО «Попурри», 2000. 672 с. ISBN 5-9713-1774-1.

A. N. AFANASJEV – ETNOGRAF A SBĚRATEL RUSKÝCH POHÁDEK

Zdeňka Matyušová

Katedra slovanských jazyků a literatur – Oddělení ruského jazyka a literatury
Pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích (ČR)

A. N. AFANASYEV – ETHNOGRAPHER AND COLLECTOR OF RUSSIAN FAIRY TALE

Abstract: Next year marks the 150th anniversary of the death of Russian folklorist and narrator Aleksander Nikolayevich Afanasyev (1826 – 1871). The peak in the world of Russian national fairy tales is just associated with this remarkable personality of the entire Russian folklore study and historiography. His most important work *Russian folk fairy tales* was published consequently in the years 1855 – 1863 and the first edition contained more than six hundred articles. Let us introduce some other titles of the author's works, such as *Russian national legends* (1859) and *Russian fairy tales for children* (1872). Afanasyev's whole-life research, his interest in folklore and his scientific attitude to the Russian folk fairy tale are underestimated. A. N. Afanasyev opened a new era in the Russian folklore studies with his work and he created a basically new studying conception of folk literature.

Keywords: A. N. Afanasyev, narrator, folklorist, ethnographer, collector, russian folk tales, oral folk creativity

A. N. AFANASJEV – ETNOGRAF A SBĚRATEL RUSKÝCH POHÁDEK

Abstrakt: Příští rok uplyne 150 let od skonu ruského folkloristy a vypravěče Aleksandra Nikolajeviče Afanasjeva (1826 – 1871). Vrchol ruské národní lidové pohádky je spojen právě s touto pozoruhodnou osobností celého ruského folkloristického studia a historiografie. Jeho nejdůležitější dílo *Ruské lidové pohádky* bylo postupně vydáno v letech 1855 – 1863 a první vydání obsahovalo více než šest set textů. Představme si některé další tituly autorských děl, jakými jsou *Ruské národní legendy* (1859) a *Ruské pohádky pro děti* (1872). Afanasjevův celoživotní výzkum, jeho zájem o folklór a jeho vědecký přístup k ruské lidové pohádce jsou doposud nedocenené. A. N. Afanasjev svou práci zahájil novou éru ruského folkloristického studia a vytvořil v zásadě nové studijní pojetí lidové pohádky.

Keywords: A. N. Afanasjev, vypravěč, folklorista, etnograf, sběratel, ruské lidové pohádky, ústní lidová tvořivost

A. N. Afanasjev

Kořeny ruské lidové pohádky sahají do dávné minulosti, přičemž každá historická etapa v životě národa s sebou a v sobě nese zákonité změny, které se i v tomto žánru odrážejí. První zmínky o ruské lidové pohádce jsou spojeny s obdobím Kyjevské Rusi. Tehdy se však neužíval termín «сказка», nýbrž «баснь». V souvislosti s procesem vyprávění pohádky se objevilo sloveso «баять» (povídat, říkat, mluvit) a podstatné jméno «бахарь» (profesionální vypravěč).

Pohádka patří mezi základní a nejvíce frekventované folklórní žánry. Jeden z náhledů na pohádku, který byl v Evropě přijat, poskytli již J. Bolte a G. Polivka¹ a jeho smysl formuloval V. J. Propp: «Под сказкой понимается рассказ, основанный на поэтической фантазии, в особенности из волшебного мира, история, не связанная с условиями действительной жизни, которую во всех слоях общества слушают с удовольствием, даже если находят ее невероятной или недостоверной» (Пропп, 1984, с. 36).

S obsáhlou definicí přichází V. P. Anikin: «Сказки – это коллективно созданные и коллективно хранимые народом устные художественные эпические повествования в прозе с таким нравственно-эпическим, социально-политическим и общественно-бытовым содержанием, которое по самой своей основе требует полного или частичного использования приемов неправдоподобного изображения действительности и в силу этого прибегает к фантастическому вымыслу, разнообразные и традиционные формы которого, не повторяясь больше ни в каком другом жанре фольклора, складывались на протяжении веков в тесной связи со

¹ Poznámka: BOLTE, J. – POLIVKA, G.: *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm* 1 – 3, Leipzig 1913 – 1918.

всем укладом народной жизни и находились в первоначальной связи с мифологией» (Аникин, 1984, с. 221).

Nejstarší svědectví o ruských lidových pohádkách se vztahují ke 12. století. V období staré Rusi se pohádka postupně vyčleňovala z tzv. ústní prózy, oddělovala se od pověsti, legendy či mýtu a začínala existovat jako samostatný žánr se svými specifickými zvláštnostmi.

V 16. – 17. století byla pohádka rozšířena ve všech společenských vrstvách. Koncem 17. a začátkem 18. století a poté s nástupem romantismu se zdvihla nová vlna inklinace k lidové pohádce. Objevily se první sborníky ruských pohádek a s nimi i zájem o textologické studium. Přestože kvalita zápisů nebyla příliš vysoká, texty dostatečně a výstižně odrážejí charakter ruského lidového pohádkového repertoáru.

Jednotlivá vydání pohádek se opírala o ústní tradici, což se odrazilo i v názvech sborníků – *Мужик, ищущий чести, рассказчик забавных песен; Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небыли* P. Timofejeva (1790) nebo *Лекарство от задумчивости и бессоницы или настоящие русские сказки* (1786). Autoři těchto i mnoha dalších pohádkových sbírek zaznamenávali své texty bezprostředně z promluv lidových vypravěčů a snažili se zachovat jejich jazyk a styl. Mezi sbírkami vyniká zejména *Письмовник* N. Kurganova (1769) s prvním uveřejněním ruské satirické pohádky, *Бабушкины сказки* S. Drukovcova (1778) a sbírka lidových pohádek *Русские сказки* V. Levšina (1780 – 1783).

V první polovině 19. století vzrostl zájem o pohádku jak v řadách spisovatelů, tak i mezi odborníky na ústní lidovou tvořivost. N. V. Novikov v té době napsal: *«Свидетельства современников позволяют без преувеличения сказать, что сказка в первой половине девятнадцатого века пользовалась широким распространением»* (Новиков, 1961, с. 20).

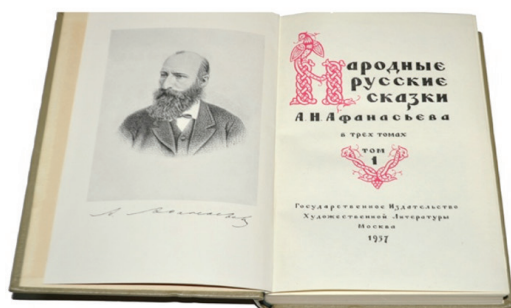
Jistý zlomový moment ve vztahu k ústní lidové tvořivosti vytvořily Puškinovy zápisy pohádek. V. J. Propp uvádí, že *«Пушкин записывал сказки для того, чтобы ими мог потом пользоваться»* (Пропп, 1984, с. 69). Puškin poukázal na literárně společenskou i odborně vědeckou potřebu ruské lidové pohádky a ocenil všechny její umělecké hodnoty. Básníkův vztah k národní kultuře vystihuje Propp následovně: *«Для Пушкина национальная культура, выражающая его национальный характер, отличный от характера других народов. С этой точки зрения, сказки великолепно отражают русского человека, склад его ума и чувств, его идеалы и стремления»* (Пропп, 1984, с. 71).

Ve 30. – 40. letech 19. století se objevily *Русские народные сказки* Bohdana Bronicyna (1838) a *Сказки русские, рассказанные Иваном Ваненко* (1838). Obě tyto sbírky byly ostře zkritizovány samotným V. G. Bělinským zejména

pro údajnou nepůvodnost a nevěrohodnost uvedených pohádek. Kritik zdůrazňoval, že «*русская сказка имеет свой смысл, но только в таком виде, как создала ее народная фантазия; переделанная же и прикрашенная она не имеет решительно никакого смысла*» (Пропп, 1984, с. 73).

V 50. – 60. letech 19. století dochází v ruské folkloristice k náhlému a zcela ojedinělému rozmachu. Ve svých teoretických i sběratelských dílech se k ní obracejí ruští revoluční demokraté, zejména N. G. Černyševskij a N. A. Dobroljubov. Zvýšený zájem o lidovou poezii byl úzce spjat se společenským hnutím této doby. Vzniká několik tzv. folkloristických škol a pohádka se stává objektem jejich vědeckého studia – *symbolická škola* (N. M. Makarov, I. M. Sněgirjov), *mytologická škola* (O. F. Miller, F. I. Buslajev, A. N. Afanasjev, A. A. Potěbnja), *orientalisté* (V. V. Stasov, A. N. Pypin, S. F. Olděnborg), *komparativisté* (I. N. Ždanov, N. F. Sumcov), *historicko-geografická (finská) škola* či *antropologická škola*.

Vrchol této bouřlivé doby v životě ruské lidové pohádky je spojen s pozoruhodnou osobností celé ruské folkloristiky a historiografie, občanem a demokratem *Alexandrem Nikolajevičem Afanasjevem* (1826 – 1871). Pocházel z městečka Bogučare ve Voroněžské oblasti. V roce 1849 přijal Afanasjev místo v Hlavním archivu ministerstva zahraničí v Moskvě, kde působil do roku 1862.

V časopisech *Современник* a *Отечественные записки* vyšlo šedesát jeho více či méně významných statí – *Дедушка домового*, *Ведун и ведьма*, *Языческие предания об острове Гуяне*, *Зоологические божества у славян*, *Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями*. V letech 1858 – 1859 Afanasjev vydával časopis *Библиографические записки*, ve kterém publikoval své právní články, historické studie, pojednání o N. I. Novikovovi, D. I. Fonvizinovi či A. D. Kantěmirovi – *Сатиры Кантемира*, *Н. И. Новиков*, *Литературная полемика прошлого столетия*, *Русская*

книжная торговля a další. V menší míře se Afanasjev zabýval literaturou 19. století – *Из переписки Карамзина, О стихотворениях Батюшкова, Заметки о Лермонтове, Заметки к изданию сочинений Пушкина.*

Tyto jeho práce jsou dodnes literárními vědci, historiky a etnografy vysoce oceňovány, ale zároveň je také dostatečně známo, že mnozí Afanasjevovi současníci a kritici, zvláště pak K. D. Kavelin, neodhalili a tudíž ani nepochopili vědeckou hodnotu těchto děl, často se přezíravě a skepticky vyjadřovali nejen k veškeré Afanasjevově činnosti, ale poukazovali i na nedostatky v metodice jeho vědeckého výzkumu – odloučenost folklóru od života samotného lidu, antihistoričnost, metodologická nespolehlivost a labilita, izolovanost řady mytologických výkladů od jejich životního základu a reálné skutečnosti, nepřesně stanovená vědecká metoda a nedostatečně definovaný všeobecný pohled na zobrazované jevy.

K pohádce se A. N. Afanasjev dostal pod vlivem bratří Grimmů, mytologické školy (jejímž byl členem) a především Ruské geografické společnosti, která ho v roce 1852 přijala za člena svého etnografického oddělení. Společnost mu dala k dispozici archiv s tím, aby z bohatého fondu a z obrovského množství zápisů ústní lidové slovesnosti sestavil přehlednou sbírku pohádek. Konečným výsledkem mimo jiné bylo nejvýznamnější Afanasjevovo dílo s názvem *Народные русские сказки*, které bylo vydáváno postupně v letech 1855 – 1963.

Myšlenka o vytvoření této sbírky se zrodila již v roce 1851 a představuje první vědecké vydání ruských lidových pohádek, které otevřelo neobyčejně krásnou a bohatou pokladnici ruského pohádkového eposu. Pro první vydání knihy bylo nashromážděno více než šest set textů (nejvíce materiálu Afanasjevovi poskytli sběratelé P. I. Jakuškin a V. I. Daľ, sám autor zapsal více než deset pohádek z oblasti Voroněže a nespočet textů získal od svých přátel).

Afanasjev při svém výzkumu postupoval přísně vědecky, neboť byl mimo jiné stoupencem požadavku V. G. Bělinského o striktním zachování autentičnosti pohádkového textu. S materiálem zachází co nejšetrněji a pohádky zaznamenává v přesném a doslovném znění – včetně dialektismů a individuálních zvláštností v přednesu jednotlivých lidových interpretů. «*Жили были куманек да кумушка, волк да лисица. Вздумали они построить себе на снегу избушку и жить добром. Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается... Волк осердился, с досады и горя пустился бежать и домой не воротился. Пришло лето, изба растаяла. Волк эту быль мне сам рассказывал и заверял, что вперед никогда не станет жить вместе с лисою*». Vedle textů ruských zde najdeme i texty běloruské a ukrajinské. Pohádky jsou zaznamenávány rovněž v různých variantách se všemi regionálními specifiky. Pouze v případě, že zvolené varianty nevyhovovaly tzv. slovesnou úrovní, Afanasjev texty literárně i stylisticky upravoval. Svě redakční zásahy však omezoval jen na nezbytně nutnou míru. V předmluvě k prvnímu vydání *Народных русских сказок* Afanasjev napsal: «... Но если в зрелых летах мы любим останавливать свой взгляд на детских играх и забавах и если при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побуждения, какие давно были подавлены под бременем вседневных забот, то не с той ли теплою любовью и не с теми ль освежающими душу чувствами может образованный человек останавливать свое внимание на этой поэтической чистоте и детском простодушии народных произведений» (Афанасьев, 1988, с. 12 – 13).

Patřičnou pozornost věnoval Afanasjev rovněž klasifikaci pohádek a v druhém vydání své pohádkové sbírky je uspořádal do tří základních skupin – pohádky o zvířatech, kouzelné pohádky a novelistické pohádky. Toto členění bylo světovou folkloristikou všeobecně uznáno, přijato a s menšími či většími korekcemi – později se objevila nutnost zevrubnějšího určení – platí v podstatě dodnes.

Zmíněnou podrobnou klasifikaci vytvořil finský vědec Antti Aarne. V roce 1910 na základě několika evropských pohádkových sbírek sestavil *Katalog pohádkových syžetů*.² Aarne porovnal všechny pohádkové varianty, následným krátkým převyprávěním syžetů provedl jejich klasifikaci a nakonec je roztrídil do skupin podle stanoveného principu. Takto vyčleněné syžety označil jako typy. Jeho *Katalog* byl přeložen do mnoha světových jazyků a ruskou podobu vypracoval N. P. Andrejev pod názvem *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне* (1929). Ve 30. – 40. letech se objevuje klasifikace

² *Poznámka: AARNE, A.: Verzeichnis der Märchentypen. Folklore Fellows Communications No. 3. Helsinki 1911.*

J. M. Sokolova a také V. I. Čičerova, který vedle hlavních principů zdůrazňuje především zvláštnost obsahu a formy. Folkloristé 50. – 60. let V. P. Anikin a E. V. Pomerancevová redukuje počet skupin na tři nebo čtyři. Jak konstatuje V. J. Gusev, klasické členění pohádkových textů, které nastínil A. N. Afanasjev, patří k nejpřesnějším a nejfrekventovanějším: „*Nejrozšířenější typ klasifikace je založen na charakteru fantastického výmyslu, na stupni jeho umělecké podmíněnosti. Proto je v podstatě obecně přijato dělení pohádek na a) pohádky zvířecí (o zvířatech), b) kouzelné (zázračné, fantastické) ze života (neboli novelistické, realistické)*“ (Gusev, 1978, s. 127).

Pozoruhodný je rovněž Afanasjevův záběr žánrový, neboť zároveň s pohádkami kouzelnými a o zvířatech jsou uvedeny i pohádky novelistické a žertovné. Kromě toho Afanasjev přiřazuje do sbírky i texty mrtvých a čarodějích, lidové anekdoty, škádlivky a povídačky. Všechny pohádkové texty jsou podle tohoto principu skupinově uspořádány. Součástí uvedené sbírky byly i materiály, které podléhaly cenzurnímu zákazu – texty a pohádky satirické, kritizující carský dvůr, statkářstvo, soudy a vyšší duchovenstvo. Samotný A. N. Afanasjev je považoval za významné a podnětné, a proto se rozhodl vydat je (byť anonymně) v Ženevě pod názvem *Заветные сказки* (vyšly posmrtně v roce 1872).

Třetí Afanasjevova sbírka *Народные русские легенды* se objevila v roce 1859. Přestože měla neobyčejný ohlas, v důsledku cenzurních zásahů vyšla ilegálně v Londýně.

V roce 1860 odjíždí A. N. Afanasjev z Ruska a cestuje po Evropě. Po návratu domů je však pro podezření z politické nespolehlivosti v roce 1862 propuštěn z archivu a je mu zakázána jakákoliv činnost a aktivita ve státních službách. V této složité situaci stačil ještě sestavit speciální knihu pohádek pro děti, připravit k tisku druhé vydání své stěžejní pohádkové sbírky a v letech 1865 – 1869 vydat své nenáročnější a nejobsažnější dílo *Поэтические воззрения на природу. Опыт сравнительного изучения преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. Jak uvádí a potvrzuje K. Dvořák v předmluvě k českému vydání *Ruských lidových pohádek*, „*nešlo tu o nic menšího než o odvážný pokus osvětlit z jednotlivého hlediska všeslovanský mýtus v jeho celistvosti. K tomu cíli Afanasjev uvedl v syntézu jednotlivé myšlenky, které k danému tématu od počátku porůznu publikoval jak ve speciálních studiích, tak v pohádkových komentářích, a promyšlený teoretický systém podepřel dalšími novými poznatky*“ (Afanasjev, 1984, s. 15).

Posledním Afanasjevovým dílem byl sborník *Русские детские сказки* (1870), který obsahuje speciálně upravené a věku dětí přiměřeně zpracované příběhy z kompletního vydání *Народных русских сказок*.

Závěrečná léta svého života A. N. Afanasjev doslova protřpěl v nemoci a nouzi. Až na dno svých sil vyčerpán a úplně opuštěn zemřel jako pětáctýřicetiletý roku 1871.

«По разному складываются судьбы книг. Одни бывают популярны только при жизни авторов, становясь данью моде и мимолетным пристрастиям. Другие, случается, – вдруг выплывают из мрака забвения, отвечая каким-то потребностям новых времен. Третьи – вечно живые светом слова – нужны народу всегда. Именно таковы книги Афанасьева. Не зря ими зачитывались Лев Толстой, Достоевский, Мельников-Печерский, Бунин, Горький, Блок, Есенин, Пастернак, Заболоцкий. Сказки Афанасьева в переводах на десятки языков давно уже шествуют по всему миру» (Медведев, 2006, с. 6).

Afanasjevovo celoživotní neobyčejně smysluplné bádání a zájem o folkloristiku, zejména pak jeho vědecký přístup k ruské lidové pohádce, jsou neocenitelné a doposud zcela nedocenené. Svým dílem zahájil novou etapu v ruské folkloristice a vytvořil principiálně nové pojetí studia ústní lidové slovesnosti.

Inspirační prameny tvorby, zralé vypravěčské umění, široký umělecký záběr, pestrá tematická paleta, příznačný cit pro potřeby a zájmy prostého člověka bezesporu zařadily a včlenily vpravdě nepřehlédnutelnou lidskou i tvůrčí osobnost Alexandra Nikolajeviče Afanasjeva mezi významné a osobité představitele ruské národní literatury.

LITERATURA

- АФАНАСЬЕВ, А. Н.: Лисица-повитуха. In: Диво дивное, чудо чудное: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Москва 1988, с. 12-13. Bez ISBN.
- АФАНАСЬЕВ, А. Н.: Народные русские сказки (1 – 3). Москва 1958. Bez ISBN.
- АФАНАСЬЕВ, А. Н.: Русké lidové pohádky. Praha 1984. Bez ISBN.
- АФАНАСЬЕВ, А. Н.: Русké pohádky. Praha 2001. ISBN 80-86383-06-7.
- АНИКИН, В. П.: Русская народная сказка. Москва 1984. Bez ISBN.
- АНИКИН, В. П.: Русское народное поэтическое творчество. Ленинград 1983. Bez ISBN.
- AARNE, A.: Verzeichnis der Märchentypen. Folklore Fellows Communications N 3. Helsinki 1911. Bez ISBN.
- БАЗАНОВ, В.: От фольклора к народной книге. Ленинград 1983. Bez ISBN.
- BOLTE, J. – POLIVKA, G.: Anmerkungen zu den Kinder - und Hausmärchen der Brüder Grimm 1 – 3, Leipzig 1913 – 18. Bez ISBN.
- БОРОДУЛИН, В. И. [et al.]: Всемирный биографический энциклопедический словарь. Москва 2000. ISBN 5-85270-311-7.
- GUSEV, V. J.: Estetika folklóru. Praha 1978, s. 127. Bez ISBN.
- ЛАЗУТИН, С. Г.: Поэтика русского фольклора. Москва 1981. Bez ISBN.

- МЕДВЕДЕВ, Ю.: Сказочник всея Руси. In: Литературная газета, № 29, 19 – 25 июля 2006 г., с. 6. ISSN 0233-4305.
- НОВИКОВ, Н. В.: Русская сказка в записях и публикациях 1-ой половины 19-ого века. Москва 1961. Bez ISBN.
- Писатели нашего детства. 100 имен. Биографический словарь. Москва 1999. Bez ISBN.
- ПОМЕРАНЦЕВА, Е. В.: Русская народная сказка. Москва 1963. Bez ISBN.
- ПРОПП, В. Я.: Морфология сказки. Москва 1969. Bez ISBN.
- ПРОПП, В. Я.: Русская сказка. Ленинград 1984. Bez ISBN.
- ПРОПП, В. Я.: Фольклор и действительность. Москва 1976. Bez ISBN.
- Русская литература и фольклор (XI – XVIII вв.). Ленинград 1970. Bez ISBN.
- Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Ленинград 1976. Bez ISBN.
- Русская литература и фольклор (вторая половина XIX в.). Ленинград 1982. Bez ISBN.

Poznámka:

Doprovodné ilustrace k textu jsou dostupné v archivu autorky a na internetu – viz: <https://yandex.com/search/?text>

V TERMÍNOCH UKRYTÉ... KRÁTKY POHĽAD NA VYBRANÉ TERMÍNY V PRIESEČNÍKOKH LINGVISTIKY A PALEONTOLÓGIE¹

Jana Sokolová – Augustín Sokol

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

HIDDEN IN THE TERMINOLOGY... A BRIEF LOOK AT SELECT TERMS IN THE INTERSECTION OF LINGUISTICS AND PALEONTOLOGY

Abstract: This study takes a closer look at ten terms from the palaeontological nomenclature that are associated with the Russian culture. These expressions have their own „story“. The story of these terms is symptomatic of the space (rather than time) and is the result of interscientific and intercultural contacts. The aim of this paper is to (a) define their characteristics both in terms of paleontological identification and biological nomenclature (taxonomy) and also in terms of their onomasiological-onomatological interpretation and (b) discuss their backstory and extra-linguistic context. This means that we intend to present them against a broader and information-based backdrop.

Keywords: term, linguistics, paleontology, taxonomy, biological nomenclature, markedness

K napísaniu tohto článku nás inšpirovala publikácia Jany Skladanej *Ukryté v slovách, s podtitulom Trinásť komnata a 131 tajomných slovných spojení* (2012). Autorka sa v nej zamerala na vybrané ustálené frazeologické spojenia tvoriace cenné kultúrne dedičstvo v domácom slovenskom, ale aj interkultúrnom meradle. Vysvetľuje ich pôvod, uvádza údaje o zemepisných, historických a iných reáliách, ktoré sa na ne vzťahujú. Keďže aj oblasť terminológie „ukrýva“ zaujímavé fakty, predkladáme čiastočne analogickú sondu do tej časti paleontologického názvoslovia, ktorá sa spája s ruskými reáliami. Zvolili sme si pomenovania: *perm*, *inostrancevia*, *Inostrancevia alexandri*, *pravoslavlevia*, *Estemmenosuchus uralensis*, *volgatitian*, *Volgatitian simbirskiensis*, *sibirotitan*, *Psittacosaurus sibiricus* a *denisovan*. Ako vidieť, výber sa opiera o motivačnú stránku pomenovaní, ktorú v slovenskej terminológii rozpracovali najmä J. Horecký a J. Furdík. Cieľom príspevku bude uviesť ich definíčné

¹ PodĎakovanie. Táto práca bola podporená Agentúrou na podporu výskumu a vývoja zmluvou č. APVV-17-0071.

vlastnosti a najmä okolnostné mimojazykové súvislosti a tak prezentovať rozšírené informačné spektrum, ktoré sa s vybranými pomenovaniami spája.

Najprv sa pristavme pri niekoľkých príkladoch neoficiálnych mien, prezývok, ktoré odrážajú vzťahovú zložku propriálnej nominácie. Základná podoba týchto mien je hovorová a má úzky identifikačný rádius. Zo socioonomastického hľadiska ide o neúradné pomenovania konkrétnych jedincov. Mená reflektujú transfer pomenovania osoby na zviera. Územie Ruska je bohaté na pozostatky cicavcov zo štvrtohôr (epochy pleistocén a holocén, počas ktorých prebehla aj posledná doba ľadová). Boli to jaskynné levy, srstnaté nosorožce a najmä mamuty. Mnohé z nich, ktoré uchoval sibírsky permafrost, sa aj po desiatkach tisícov rokov dochovali s mäkkými tkanivami, kožou, srstou a dokonca aj krvou. Napríklad, v roku 1977 bol v nánosoch rieky Brelech objavený mladý mamutí samec, ktorý dostal meno v tvare domácej podoby mena *Dmitrij (Дмитрий) – Dima (Дима)*. V roku 2007 na polostrove Jamal bolo nájdené mumifikované mláďa mamuta srstnatého (*Mammuthis primigenius*). Paleontológovia ho pomenovali *Luba (Люба)* na počesť manželky jeho objaviteľa, ktorým bol nenetský pastier sobov. *Luba* bola samica a v čase smrti mala len 30 až 35 dní. Samotné pozostatky sú podľa paleontológov staré okolo 41 800 rokov. Najnovším objavom mumifikovaného mamuta v Rusku je mladá samica *Juka (Юка)*. Bola objavená v roku 2010 a meno dostala podľa dediny *Jukagir (Юкагир)* na severe Jakutska. Okrem múmie mamutov možno ešte spomenúť nález mláďaťa leva jaskynného (*Panthera spelaea*), ktorého objavili v roku 2017 v Jakutsku. Paleontológovia mu dali meno *Boris (Борис)*. Vedci jeho vek odhadujú na približne 50 tisíc rokov a v čase smrti mohol mať len mesiac a pol až dva mesiace. O rok neskôr sa podaril objav ďalšieho levieho mláďaťa len 15 metrov od miesta nálezu *Borisa*. Tiež išlo o samčeka a pomenovaný bol *Spartak (Спартак)*. Vzhľadom na fakt, že pochádzajú z rovnakej lokality, vedci predpokladajú, že mohlo ísť o bratov.

Teraz sa vráťme k téme nášho článku. Jeho východiskom je najširšie poňatie termínu podľa J. Horeckého (1956) – termín je pomenovanie pojmu v sústave daného vedného odboru (v našom prípade paleontológie). S pojmom je stotožnený význam termínu, v ktorom je koncentrovaný výsledok vedeckého poznávania istého výseku skutočnosti alebo odborného myslenia (Dolník, 2003, s. 175). K optimálnym vlastnostiam termínu patria:

definovanosť, jednoznačnosť, ustálenosť, systémovosť, motivovanosť,² derivatívnosť (nosnosť)³ a akonotatívnosť.⁴

Súbor pomenovaní, ktoré sme vyselekovali, sú tvorené podľa motivačných modelov založených na relačných znakoch.⁵ Vyjadrujú:

- **miestny vzťah**, a to podľa miesta nálezu; základná motivačná formula (Horecký, 1958//2019, s. 101) znie „vyskytujúci sa v mieste X“;
- **osobnostný vzťah**, a to podľa objaviteľa, nálezcu; motivačná formula je „pomenovaný podľa X“. Pomenovanie sa stáva záležitosťou osobného pomenovania.

V oboch prípadoch je v pozícii X vlastné meno. Motivačná hodnota týchto proprií je ambivalentná: na jednej strane nepoukazujú za podstatný, resp. typický znak označovanej entity, na druhej strane prispievajú k priezračnosti formy pomenovania.

Vybrané paleontologické termíny identifikujeme podľa (a) biologického a (b) jazykovedného hľadiska. V prvom kroku, ktorý súvisí s rezultatívnymi podobami pomenovaní, uplatňujeme semaziologický prístup, t. j. od formy k obsahu. V rámci biologického opisu používame tradičný hierarchický klasifikačný systém označovaný ako taxonómia, resp. taxonomické zaradenie, a to v poradí: doména – ríša – kmeň – trieda – rad – čeľaď – rod – druh. Jazykovedná interpretácia sa opiera o teóriu nominácie z onomaziologického aspektu (Dokulil, 1962; Horecký, 1999; Sokolová, 2002 a i.). Keďže opis

² Najvýraznejší znak zo súboru znakov daného pojmu sa stáva hlavným motivačným prvkom, ktorým sa pomenovaná entita odlišuje od iných a ktorý zachytáva jazyková stránka termínu. To znamená, že jazykovou formou (jazykovými prostriedkami) sa nevyjadrujú všetky znaky pojmu, ale spravidla iba znak najvýraznejší (defferentia specifica), zatiaľ čo ostatné znaky sú implikované v systematickom zaradení pojmu medzi ostatné termíny daného odboru.

Motivačné znaky sa delia na vnútorné (inherentné) a vzťahové (relačné). Pri názvoch utvorených podľa vnútorných znakov motivačná formula spravidla vyjadruje vlastnosť samej pomenovanej veci, pri názvoch utvorených podľa vzťahových znakov sa už v motivačnej formule ukazuje pojem alebo vec, na ktorý sa pomenovaný pojem vzťahuje (Horecký, 2019/1958, s. 100).

³ Derivatívnosť (nosnosť) v širšom ponímaní je dostatočne vysoká miera slovtvornej potenciability.

⁴ J. Furdík (2008) uvádza tieto vlastnosti termínov: presnosť, jednoznačnosť, významová priezračnosť (s ktorou súvisí slovtvorná motivovanosť, resp. existencia onomaziologickej štruktúry, keďže väčšinu termínov tvoria viacslovné pomenovania), systémovosť, nosnosť/derivatívnosť.

⁵ Termíny by nemali evokovať konotácie.

pomenovaní je značne determinovaný zložitou nominačnými vzťahmi, zvolili sme účelovú simplifikáciu a uvádzame len dominanty, ktoré predstavujú hlavné uzly verbalizácie pomenovacích procesov. Sú nimi: onomaziologická trieda, onomaziologický typ, onomaziologická rovina, onomaziologický vzťah, onomatologická rovina a onomatologický postup.

Onomaziologická trieda je také zoskupenie pomenovaní, ktoré odráža podstatné pojmové domény. Pre pomenovania substancií sú to: ľudia, objekty, rastliny, živočchy, deje a vlastnosti. Onomaziologický typ je konkretizácia onomaziologickej triedy podľa integračných sémantických príznakov (prehistorické časové obdobie, vyhynutý živočích, prehistorický človek). Onomaziologická rovina reflektuje základné pojmové kategórie uplatnené na pozícii onomaziologickej bázy a onomaziologického príznaku (SUBSTANCIA_{báza}, SUBSTANCIA_{príznak}, ATRIBÚT_{príznak}).⁶ Onomaziologický vzťah je typ základných pojmových štruktúr, ktoré tvoria v jazyku sémantické osnovy pomenovaní: mutačný, modifikačný, transpozičný, reprodukčný a koordinačný (Dokulil, 1962). Onomatologická rovina je morfemické alebo lexikálne vyjadrenie onomaziologickej bázy a onomaziologického príznaku, napr. gramatická onomaziologická báza (GRAM_{báza}), lexikálna onomaziologická báza (LEX_{báza}), derivačná (sufixálna) onomaziologická báza (SUFIX_{báza}), lexikálny onomaziologický príznak (LEX_{príznak}).⁷ Onomatologický postup je konkretizovaný nominačný spôsob, napr. interlingválna translokácia, kompozičná konjunkcia, postpozičná adícia a i. (porov. Sokolová, 2002).

V lingvistickom opise sa zohľadní biologická binomická nomenklatúra: rodové – druhové meno. V prípade, že motivované pomenovanie je len na úrovni rodu, onomaziologickú identifikáciu uvedieme na rovine príslušného jednoslovného pomenovania (napr. *perm*, *pravoslavlevia*). V prípade, že motivované pomenovanie je len na úrovni druhu, onomaziologickú identifikáciu uvedieme na rovine príslušného dvojslovného pomenovania (napr. *Estemenosuchus uralensis*). V prípade, že motivované pomenovanie je aj na úrovni rodu, aj na úrovni druhu, uvedieme dve onomaziologické identifikácie: na rovine príslušného aj jednoslovného (*Inostrancevia*, *Volgatan*), aj dvojslovného pomenovania (*Inostrancevia uralensis*, *Volgatan simbirskiensis*).

⁶ Ďalšie možnosti, ako napr. ATRIBÚT_{báza}, AKCIA_{báza}, AKCIA_{príznak}, CIRKUMSTANCIA_{báza}, CIRKUMSTANCIA_{príznak} sa v našom súbore pomenovaní nerealizovali.

⁷ Ďalšie možnosti, ako napr. konfixálna onomaziologická báza (KONFIX_{báza}), prefixikálny onomaziologický príznak (PREFIX_{príznak}), sufixikálny onomaziologický príznak (SUFIX_{príznak}), sa v našom súbore pomenovaní nerealizovali.

Perm (lat. perm, rus. перм) je geologický názov pre najmladšie obdobie, resp. najmladší útvar prvohôr. Názov dostalo podľa mesta Perm, ktoré sa nachádza na rieke Kama na úpätí Uralu. Útvar pomenoval v 40. rokoch 19. storočia britský geológ Roderick Murchison, ktorý v danej oblasti robil výskum hornín. Časové rozpätie permu sa odhaduje na 48 miliónov rokov, v intervale od 299 mil. do 251 mil.

Pomenovanie *perm* je súčasťou sociovedeckej aj bežnej znalostnej komunikácie. Je výsledkom **apelativizácie** (tiež deonymizácie, deproprializácie) ako onomatologického a lexikálno-sémantického procesu, pri ktorom dochádza k strate propriálnej funkcie vlastného mena, ktoré prechádza do apelatív ako všeobecných substantív.

Onomaziologická identifikácia

Perm	
Onomaziologická trieda:	objekt
Onomaziologický typ:	jednoslovné pomenovanie prehistorického obdobia
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza} SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	mutácia
Onomatologická rovina:	GRAM _{báza} LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	interkonceptuálna translokácia ⁸

V období permu došlo k prudkému rozvoju suchozemských stavovcov, známych ako synapsidy, niekedy nazývané aj protocicavce, resp. menej správne „cicavcovité plazy“. Klad Synapsida zahŕňa cicavce ale aj ich starších evolučných príbuzných, ktoré niesli vývojové znaky cicavcov, ale aj viaceré archaických znakov, kvôli ktorým ich za cicavce ešte nemožno považovať. Fosílnne pozostatky viacerých týchto pozoruhodných živočíchov sa podarilo nájsť aj v Rusku a názvy niekoľkých z nich sú motivované ruskými reáliami.

Inostrancevia (lat. Inostrancevia; rus. Иностранцевия) ako typickí zástupcovia čeľade synapsidov zvanej *Gorgonopsidae* boli vrcholovými predátormi so silnými čeľuštami a svojím vzhľadom pripomínali kríženca vlka a jaštera. S cicavcami ich spájali výrazné tesáky slúžiace na usmrtenie koristi, chýbali im však stoličky na žutie potravy. Je tak pravdepodobné, že menšiu korisť prehltali celú a z väčšej trhali kusy mäsa, podobne ako dravé plazy. Mali pomerne dlhé a silné končatiny s polorozkročeným postojom (predné

⁸ Interkonceptuálna translokácia sa zakladá na prenose medzi dvoma rozdielnymi pojmami, pojmovými doménami (Sokolová, 2002).

končatiny im z tela rástli do strán ako u väčšiny plazov, zatiaľ čo zadné mali položené stĺpovite pod telom ako cicavce), čo im dávalo výhodu pri prenasledovaní koristi. Zo známych *gorgonopsidov* najväčšie rozmery, s dĺžkou približne 3 metre, dosahoval *Inostrancevia alexandri*. Svoje meno dostal na počesť ruského geológa Alexandra Inostranceva, po ktorom ho pomenoval paleontológ Vladimír Prochorovič Amalickij v roku 1922.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

<i>Inostrancevia</i>		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>) ⁹	
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	synapsidy (<i>Synapsida</i>)	
rad	terapsidy (<i>Therapsida</i>)	
čelaď	gorgonopsidy (<i>Gorgonopsidae</i>)	
rod	<i>Inostrancevia</i>	
druh	<i>Inostrancevia alexandri</i> <i>Inostrancevia uralensis</i>	V. P. Amalickij (1922) L. P. Tatarinov (1974)

Onomaziologická identifikácia

<i>Inostrancevia</i>		
Onomaziologická trieda:	živočích	
Onomaziologický typ:	jednoslovné pomenovanie prehistorického živočicha	
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza}	SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	mutačný	
Onomatologická rovina:	SUFFIX _{báza}	LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia	

⁹ Eukaryoty sú jednou z domén živých organizmov. Eukaryoty sú organizmy, ktorých bunky majú hlavnú genetickú informáciu uloženú v bunkovom jadre izolovanom od okolitého prostredia fosfolipidovou membránou. Zahŕňajú všetky mnohobunkové organizmy, ale väčšina ich diverzity je tvorená drobnými jednobunkovými organizmami.

<i>Inostrancevia alexandrii</i>		
Onomaziologická trieda:	živočích	
Onomaziologický typ:	dvojslovné pomenovanie prehistorického živočicha	
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza}	SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	modifikačný	
Onomatologická rovina:	LEX _{báza}	LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia	
<i>Inostrancevia uralensis</i>		
Onomaziologická trieda:	živočích	
Onomaziologický typ:	dvojslovné pomenovanie prehistorického živočicha	
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza}	SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	modifikačný	
Onomatologická rovina:	LEX _{báza}	LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia	

Pravoslavlevia (lat. *Pravoslavlevia*; rus. Православлевия) patrí do triedy synapsidov a ako rod je zastúpený jediným predstaviteľom – druhom *Pravoslavlevia parva*. Ide o blízkeho príbuzného rodu *Inostrancevia*, keďže oba taxóny patria do čelade *Gorgonopsidae*. Identifikovaný bol na základe lebky Pavlom Alexandrovičom Pravoslavlevom v roku 1927, ktorý ho spočiatku chybné zaradil k rodu *Inostrancevia*. Ako samostatný rod bol identifikovaný v roku 1953 Borisom Paulovičom Viuškovom, ktorý upozornil na prítomnosť zubov na spodnej čeľusti, ktoré sa s rodom *Inostrancevia* nezlučovali.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

<i>Pravoslavlevia</i>		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)	
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	synapsidy (<i>Synapsida</i>)	
rad	terapsidy (<i>Therapsida</i>)	
čelad'	gorgonopsidy (<i>Gorgonopsidae</i>)	
rod	<i>Pravoslavlevia</i>	
druh	<i>Pravoslavlevia parva</i>	P. A. Pravoslavlev (1927)

Onomaziologická identifikácia

Pravoslavlevia	
Onomaziologická trieda:	živočích
Onomaziologický typ:	jednoslovné pomenovanie prehistorického živočícha
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza} SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	mutačný
Onomatologická rovina:	SUFIX _{báza} LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia

Estemmenosuchus (lat. Estemmenosuchus; rus. Эстемнозух) bol rod stredne dlhého proto-cicavca, ktorý žil v období stredného permu (asi pred 270 miliónmi rokmi) na území Ruska. Druh **Estemmenosuchus uralensis**¹⁰ mal dĺžku tela 4,5 metra a charakterizovali ho rohy, ktoré na vrchu hlavy vyčnievali nahor a na boku hlavy smerom von. Tvorili korunku a ich funkciou zrejme bolo, keďže boli krátke a tupé, predvádzanie sa pri párení. Mal zavalité telo a krátky chvost. V ústach sa nachádzali veľké očné zuby a malé molárne zuby. Skamenené fragmenty kože napovedajú, že telo estemmenosucha bolo hladké a bez šupín. Druhové meno *uralensis* nesie aj jeden z druhov rodu *Inostrancevia*.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

Estemmenosuchus uralensis		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)	
ríša	živočích (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	synapsidy (<i>Synapsida</i>)	
rad	terapsidy (<i>Therapsida</i>)	
podrad	dinocephalia	
čelaď	gorgonopsidy (<i>Gorgonopsidae</i>)	
rod	<i>Estemmenosuchus</i>	
druh	<i>Estemmenosuchus uralensis</i>	P. K. Čudinov (1960)
	<i>Estemmenosuchus mirabilis</i>	

¹⁰ Ďalším známym druhom je *Estemmenosuchus mirabilis*.

Onomaziologická identifikácia

<i>Estemosuchus uralensis</i>	
Onomaziologická trieda:	živočích
Onomaziologický typ:	dvojslovné pomenovanie prehistorického živočicha
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza} SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	modifický
Onomatologická rovina:	LEX _{báza} LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia

Volgatitan (lat. *Volgatitan*; rus. Волгатитан) patril medzi titanosaurie sauropody. Žil pred 136,4 – 130,0 miliónmi rokov v období ranej strednej kriedy. Oficiálne bol opísaný pomerne nedávno – v roku 2018, a to ruskými paleontológmi Alexandrom Averianom a Vladimírom Jefimovom, ktorí ho identifikovali na základe niekoľkých chvostových a chrbtových stavcov objavených v Uľanovskej oblasti. *Volgatitan* sa radí medzi sauropódne dinosaury, dlhokrké štvornohé bylinožravce známe svojimi ohromnými rozmermi. V rámci nich patril *Volgatitan* do užšieho kladu titanosauria. Porovnaním s lepšie zachovanými sauropodmi paleontológovia odhadujú, že *Volgatitan* mohol vážiť až 17 ton. Rodový názov zvierata je odvodený od rieky Volgy. V tomto prípade je daný termín inšpirovaný hydronymom, t. j. vlastným menom istého konkrétneho potoka, rieky, jazera či mora.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

<i>Volgatitan</i>	
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)
trieda	plazy (<i>Reptilia</i>)
rad	plazopanvové (<i>Saurischia</i>)
čelad'	neurčené
rod	<i>Volgatitan</i> A. O. Averianov – V. M. Jefimov, (2018)

Onomaziologická identifikácia

Volgatitan	
Onomaziologická trieda:	živočích
Onomaziologický typ:	jednoslovné pomenovanie prehistorického živočicha
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza} SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	koordinačný
Onomatologická rovina:	LEX _{báza} LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	kompozičná konjunkcia

Volgatitan simbirskiensis sa zaraďuje k stredne veľkým sauropodom. Jeho fosílie boli nájdené v roku 1982 v európskej časti Ruska, v lokalite Slancevyj Rudnik, a to vďaka zosunu horniny na brehu Volgy. Odhadovaná dĺžka tela je okolo 17 metrov a váha cca 20 ton. Formálne bol opísaný až v roku 2018, teda 36 rokov po objavení. Jeho význam spočíva v tom, že patrí ku geologicky najstarším známym titanosaurom celej severnej pologule a je považovaný za dôležitý faktor k lepšiemu pochopeniu biodiverzity a evolučných trendov sauropodných dinosaurov.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

Volgatitan simbirskiensis		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)	
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	plazy (<i>Reptilia</i>)	
rad	plazopanvové (<i>Saurischia</i>)	
čelad'	neurčené	
rod	<i>Volgatitan</i>	A. O. Averianov – V. M. Jefimov, (2018)
druh	<i>Volgatitan simbirskiensis</i>	A. O. Averianov – V. M. Jefimov, (2018)

Onomaziologická identifikácia

Volgatitan sibirskiensis		
Onomaziologická trieda:	živočích	
Onomaziologický typ:	dvojslovné pomenovanie prehistorického živočícha	
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza}	SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	modifický	
Onomatologická rovina:	LEX _{báza}	LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia	

Sibirotitan (lat. Sibirotitan; rus. Сибиротитан) bol vzdialeným príbuzným volgatitana. Tiež sa zaraďuje medzi titanosaurie sauropody. Žil asi pred 130,0 miliónmi rokov v období ranej strednej kriedy na území východného Ruska, v Kemerovskej oblasti. Jeho fragmenty boli nájdené na pravom brehu rieky Kija (Кия), pri dedine Šestakovo (Шестаково). *Sibirotitan* bol veľký bylinožravý dinosaurus s charakteristickým dlhým krkom, malou hlavou, stĺpovitými končatinami a dlhým chvostom. *Sibirotitan* sa stal jedným z najväčších plazov, ktoré žili v Ázii a dôkazom, že veľké jaštery nežili výhradne na území Južnej Ameriky. ***Sibirotitan astrosacralis*** bol zdokumentovaný kolektívom autorov pod vedením A. O. Averianova až v roku 2017. Podľa veľkosti krčného stavca vážil okolo 20 ton a mal výšku 12 metrov. Podarilo sa ho opísať vďaka zubom, stavcom a krížovej kosti, ktorá merala pol metra. Od svojich najbližších príbuzných sa odlišoval morfológiou stavcov chrbtice, ktoré boli vyššie a viac pretiahnuté než u iných titanosaurov a prítomnosťou len piatich (a nie šiestich) krížových stavcov.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

Sibirotitan astrosacralis		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)	
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	plazy (<i>Reptilia</i>)	
rad	plazopanvové (<i>Saurischia</i>)	
čľaď	neurčené	
rod	<i>Sibirotitan</i>	A. O. Averianov et al. (2017)
druh	<i>Sibirotitan astrosacralis</i>	A. O. Averianov et al. (2017)

Onomaziologická identifikácia

<i>Sibirotitan astrosacralis</i>	
Onomaziologická trieda:	živočích
Onomaziologický typ:	dvojslovné pomenovanie prehistorického živočícha
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza} SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	modifický
Onomatologická rovina:	LEX _{báza} LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia

Psittacosaurus je vyhynutý rod rohatého dinosaura (klad *Ceratopsia*),¹¹ ktorý žil pred 130 – 100 miliónmi rokov v spodnej kriede najmä na území Ázie. Meno mu dal v roku 1923 americký paleontológ H. F. Osborn. *Psittacosaurus* dorastal do veľkosti dnešnej gazely, bol bipédny, bylinožravý a jeho typickým znakom bol mocný papagájovitý zobák. ***Psittacosaurus sibiricus*** je jedným z mnohých druhov. Druhové meno dostal podľa miesta nálezu – v sibírskej časti Ruska, pri dedine Šestakovo (Шестаково) v Čebulinskej oblasti (Чебулинский район).¹² Pravdepodobne vážil do 29 kg, dĺžka tela bola 170 – 185 cm. Jeho lebka sa vyznačovala niekoľkými zvláštnosťami: okolo očí sa nachádzalo množstvo výrazných kostných „rohov“, na lícnej kosti boli nezvyčajne dlhé výrastky, spodná čeľusť mala hrebeň, výrastok na zátylku dosahoval veľkosť 15 – 18 % dĺžky lebky, čo je viac, ako u ostatných druhov, mal 23 stavcov chrbtice (9 krčných a 14 chrbtových), zatiaľ čo ostatné druhy mali 21 alebo 22.

¹¹ Zo známejších dinosaurov sem patrí napríklad rod *Triceratops* zo Severnej Ameriky. I keď samotný *Psittacosaurus* rohy nemal, s neskoršími a skutočne rohatými ceratipsianmi ho spája niekoľko znakov na kostre, napríklad rostrálna kosť tvoriaca ich zobák.

¹² *Psittacosaurus sibiricus* je zobrazený aj na oficiálnom erbe Čebulinskej oblasti.

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

<i>Psittacosaurus sibiricus</i>		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)	
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	plazy (<i>Reptilia</i>)	
rad	vtákopanové (<i>Ornithischia</i>)	
čelad'	<i>Psittacosauridae</i>	
rod	<i>Psittacosaurus</i>	H. Osborn (1993)
druh	<i>Psittacosaurus sibiricus</i>	A. V. Voronkevič – A. O. Averianov (2000)

Onomaziologická identifikácia

<i>Psittacosaurus sibiricus</i>		
Onomaziologická trieda:	živočích	
Onomaziologický typ:	dvojslovné pomenovanie prehistorického živočicha	
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza}	SUBSTANCIA _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	modifický	
Onomatologická rovina:	LEX _{báza}	LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia	

Denisovan (lat. *Homo denisova*; rus. денисовский человек // денисовец) je pomenovanie prehistorického človeka. Druhé meno dostal podľa Denisovej jaskyne (Solonešenská oblasť Altajského kraja), v ktorej bol v roku 1984 objavený mliečny zub 10 – 12 ročného dievčaťa, neskôr niekoľkých stoličiek, úlomkov kostí končatín, úlomkov lebky a v roku 2008 fragment prstovej kosti mladej ženy. Analýzy jadrovej i mitochondriálnej DNA doposiaľ nájdených fosílií ukazujú, že jaskyňu obývali aj neandertálci (*Homo neanderthalensis*), aj *Homo sapiens*, aj denisovania. Samotní denisovania sú považovaní buď za samostatný druh (*Homo denisova*), alebo za poddruh ľudského druhu. Doteraz neexistuje jednoznačný konsenzus o tom, ktorá z týchto možností je pravdepodobnejšia a presná klasifikácia denisovanov je tak naďalej diskutovaná a otvorená (známe fosílie nestačia na jeho oficiálne zadefinovanie). Väčšina objavených fragmentov (pozostávajú z kostných fragmentov: článku prstu, niekoľkých stoličiek, úlomkov kostí končatín, úlomkov lebky) pochádza z Denisovej jaskyne a len jeden nález, a to polovica sánky, bol nájdený mimo nej – na území Tibetu (konkrétne v okrese Xiahe).

Ohľadom názvu samotnej jaskyne existujú dve verzie. Podľa jednej bola pomenovaná podľa staroverca menom Dionisij (Дионисий), ktorý v nej koncom 18. storočia žil ako pustovník. Podľa druhej verzie sa v jaskyni v prípade zlého počasia ukrýval pastier menom Denis (Денис).

Paleontologická identifikácia (taxonómia)

Denisovan / Homo denisova		
doména	eukaryoty (<i>Eucaryota</i>)	
ríša	živočíchy (<i>Animalia</i>)	
kmeň	chordáty (<i>Chordata</i>)	
trieda	cicavce (<i>Mammalia</i>)	
rad	primáty (<i>Primates</i>)	
čelaď	hominidy (<i>Hominidae</i>)	
rod	človek (<i>Homo</i>)	
druh	neurčený	

Onomaziologická identifikácia

denisovan		
Onomaziologická trieda:	človek	
Onomaziologický typ:	jednoslovné pomenovanie prehistorického človeka	
Onomaziologická rovina:	SUBSTANCIA _{báza}	ATRIBÚT _{príznak}
Onomaziologický vzťah:	mutačný	
Onomatologická rovina:	SUFIX _{báza}	LEX _{príznak}
Onomatologický postup:	postpozičná adícia	

V štúdiu sme priblížili 11 termínov paleontologického názvoslovia, ktoré sa spájajú s ruskými reáliami. Sú to výrazy, ktoré majú svoj „príbeh“. Príbeh týchto názvov je symptomatický pre priestor (menej pre čas) a je výsledkom medziviedných a medzikultúrnych kontaktov. Z obsahového hľadiska sme analyzovali jedno pomenovanie geologického útvaru (*perm*), deväť pomenovaní živočíchov (*inostrancevia*, *Inostrancevia alexandri*, *Inostrancevia uralensis*, *pravoslavlevia*, *Estemenosuchus uralensis*, *volgatitian*, *Volgatitian simbirskiensis sibiriotitan*, *Psittacosaurus sibiricus*) a jedno pomenovanie prehistorického človeka (*denisovan*). Všetky sa stali súčasťou znalostnej komunikácie. Zatiaľ čo výraz *perm* je príkladom konsenzu a implementácie sociovedeckej znalostnej komunikácie aj do bežnej reči, ostatné pomenovania sú súčasťou

vyhranenej sociovedeckej znalostnej komunikácie. Každý interpretovaný termín dokumentuje motivovanosť nielen ako základnú, ale aj ako preferovanú vlastnosť. Paleontologické termíny tiež potvrdili, že sa vyznačujú systémovosťou s vysokou mierou vzájomného prepojenia. Vzťah medzi rodom a druhom je vzťahom riadeným princípom binárnej descendencie – fundujúcim prvkom v opozícii je rodové, z ktorého vzchádza druhové. Jazyková systémovosť sa odráža aj v ich forme, ktorá vykazuje uplatňovanie identických onomaziologických aj onomatologických modelov pri tvorbe jednoslovných a dvojslovných pomenovaní (mutačný vzťah pri tvorbe jednoslovných pomenovaní a modifikačný vzťah pri tvorbe dvojslovných pomenovaní).

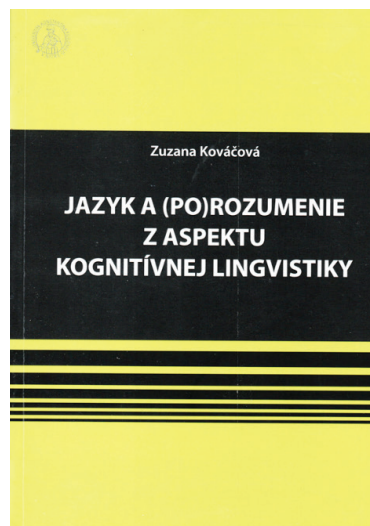
Vo väčšine termínov ako motivácia slúžila lokalita nálezov. Tá sa môže odrážať tak v rodovom, ako aj v druhovom názve. Zreteľnými príkladmi sú *Sibirotitan astrosacralis* a *Psittacosaurus sibiricus*. V oboch prípadoch je motiváciou Sibír, v prvom sa ale odráža v rodovom názve, zatiaľ čo v druhom reflektuje názov druhový. Lokalitu možno použiť pri termínovom procese aj vtedy, keď je klasifikácia organizmu neistá, ako je to napríklad u denisovanov, u ktorých je ich štatút v zmysle samostatného druhu doposiaľ nedoriešený. Druhým motivantom je pomenovanie podľa osoby. Často sa pritom vychádza z mena objaviteľa daného taxónu, ako napríklad *Pravoslavlevia*, ktorý objavil a pomenoval P. A. Pravoslavlev. V iných prípadoch pomenováva objaviteľ živočícha po inej významnej osobe. Je tomu tak napríklad u rodu *Inostrancevia* – jej objaviteľ V. P. Amalickij ju pomenoval na počesť Alexandra Inostranceva. V niektorých prípadoch sa spomínané motivácie prelínajú, ako je to v prípade taxónu *Inostrancevia uralensis*, keď rodový názov odráža vlastné meno osoby a druhový názov lokalitu objavu. Zaujímavým prípadom sú aj denisovania. Sú pomenovaní po lokalite, z ktorej pochádza väčšina ich ostatkov, samotná lokalita však nesie meno po historickej osobe.

LITERATÚRA

- AVERIANOV, Alexander et. al: A Ceratopsian dinosaur *Psittacosaurus sibiricus* from the Early Cretaceous of West Siberia, Russia and its phylogenetic relationships. In: Journal of Systematic Paleontology, Vol. 4, Issue 4, 2006, pp. 359 – 395. Dostupný na: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.863.2329&rep=rep1&type=pdf> (cit. 07. 08. 2020).
- AVERIANOV, Alexander – EFIMOV, Vladimir: The oldest titanosaurian sauropod of the Northern Hemisphere. In: Biological Communications, Vol. 63, Issue 3, 2018, pp. 145 – 162. Dostupný na: <https://doi.org/10.21638/spbu03.2018.30> (15. 08. 2020).

- AVERIANOV, Alexander et. al: A new sauropod dinosaur from the Lower Cretaceous Ilek Formation, Western Siberia, Russia. In: *Geobios*, Vol. 51, Issue 1, 2018, pp. 1 – 14. ISSN 0016-6995.
- BATTAIL, Bernard – SURKOV, Mikhail: Mammal-like reptiles from Russia. In: *The Age of Dinosaurs in Russia and Mongolia*. Cambridge: Cambridge University Press 2003, pp. 86 – 120. ISBN 0-521-55476-4.
- ГЛЯНЦЕВ, Анатолий: Внешность денисовского человека восстановили по ДНК. 2019. Dostupný na: <https://www.vesti.ru/nauka/article/1231055> (27. 06. 2020).
- HORECKÝ, Ján: *Základy slovenskej terminológie*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1956. 148 s.
- HORECKÝ, Ján: K systematike motivačných znakov v kongruenčných pomenovaniach. (1958). In: *Človek a jeho jazyk 4. Terminologické inšpirácie profesora Jána Horeckého*. Ed. J. Levická – M. Zumrik. Bratislava: Veda 2019, s. 99 – 104. ISBN 978-80-224-1740-2.
- HORECKÝ, Ján: Onomaziologická interpretácia tvorenia slov. In: *Slovo a slovesnosť*, 1999, roč. 66, č. 1, s. 6 – 12. ISSN 0037-7031 (Print); ISSN 2571-0885 (Online).
- DOKULIL, Miloš: *Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství ČSAV 1962. 264 s. ISBN neuvedené.
- DOLNÍK, Juraj: *Jazyk v sociálnej kultúre*. Bratislava: Veda 2017. 248 s. ISBN 978-80-224-1584-2.
- DOLNÍK, Juraj: *Lexikológia*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave 2003. 236 s. ISBN 80-223-1733-0.
- FURDÍK, Juraj: *Teória motivácie v lexikálnej zásobe*. Ed. M. Ološtiak. Košice: Vydavateľstvo LG 2008. 95 s. ISBN 978-80-969760-7-2.
- MASÁR, Ivan: *Príručka slovenskej terminológie*. Bratislava: Veda 1991. 191 s. ISBN 80-224-0341-5.
- SKLADANÁ, Jana: *Ukryté v slovách. Trinásť komnata a 131 tajomných slovných spojení*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 2012. 238 s. ISBN 978-80-10-02258-8.
- SOKOLOVÁ, Jana: *Tri aspekty jazykovej nominácie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2002. 104 s. ISBN 80-8050-477-6.

KOVÁČOVÁ, Z.: *Jazyk a (po)rozumienie textu z aspektu kognitívnej lingvistiky*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2015. 266 s. ISBN 978-80-558-0965-6.

Об интерпретации передачи информации в языковом взаимодействии с позиций когнитивной лингвистики в монографии З. Ковачовой *Jazyk a (po)rozumienie textu z aspektu kognitívnej lingvistiky*

В рецензируемой нами монографии *Jazyk a (po)rozumienie z aspektu kognitívnej lingvistiky* (Язык и понимание в аспекте когнитивной лингвистики), являющейся составной частью исследования научного грантового проекта VEGA 1/0243/15 *Text a textová lingvistika v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach* (ВЕГА 1/0243/15 Текст и лингвистика текста в интердисциплинарных и интермедиальных взаимосвязях) – автор – З. Ковачова, кандидат филологических наук, профессор

кафедры словацкого языка и литературы Философского факультета Университета Константина Философа в Нитре – старается «разъяснить языковое поведение в центральной теме, которой является понимание, направленное на постижение или раскрытие смысла и в конечном результате ведущее к индивидуально ментально обработанному познанию» (с. 11).

Центральной темой представленной книги З. Ковачовой являются вопросы интерпретации переноса информации в интеракции языка с позиций когнитивной лингвистики. Автор стремится к анализу формирования системы языка с онтологической точки зрения, что частично дополняется анализом речевого процесса, помещенного в контексты

соответствующих концепту, анализом избранных фразем, пословиц, в которых представлен концепт. Характеристика избранных концептов и выделение признаков, принадлежащих конкретному концепту, является результатом когнитивно-лингвистических наблюдений контекстуальных имплементаций. В монографии автор также восстанавливает языковую картину мира, рассматривает концептуальную базу избранных языковых номинаций с акцентом на универсальность некоторых концептов.

Представленная книга З. Ковачовой отличается чёткостью композиции и продуманной структурой. Работа состоит из семи разделов, включающих несколько подразделов. Составные части монографии – введение и заключение, словацкое, английское и испанское резюме, а также список использованной литературы.

В первом разделе *Kognitívna veda a kognitívna lingvistika (Когнитивная наука и когнитивная лингвистика)* З. Ковачова в первом подразделе приводит трактовку когнитивного поворота в научном исследовании. В следующем подразделе автор большое внимание уделяет моделированию и теории коммуникации с акцентом на понимание менталистической сущности языка и в третьем подразделе освещает современное состояние когнитивной лингвистики – её

предмет, основные понятия, методы, цели, отношение к психолингвистике, а также гипотезы о понимании в коммуникации и в речевом взаимодействии. Во втором разделе *Porozumenie ako podstata a predpokladaný zmysel komunikácie (Понимание как сущность и предполагаемый смысл коммуникации)* автор в первом подразделе затрагивает проблему коммуникации как разделение информации, во втором исследует герменевтику как философскую теорию понимания и предпонимания, далее исследует понимание жеста и грамматическую структуру, а также анализирует понятность детской речи и взаимодействие в коммуникации как предпосылку развития речи. В третьем разделе *Rozpoznávanie významu a jazykový procesor (Распознавание значения и языкового процессора)* автор говорит о грамматической системе языка в аспекте когниции, об автоматическом распознавании значения в тексте, о слове в механизме речи, а также о понимании двух форм языка в их диалектическом единстве. В четвёртом разделе *Porozumenie slovu ako symbolu a slovu ako konceptu (Понимание слова как символа и слова как концепта)* З. Ковачова в отдельных подразделах рассматривает слово как символ, несущий значение, когнитивные структуры в сравнении с языковыми структурами с точки зрения когнитивной лингвистики,

а также рассматривает языковой знак с позиции когнитивной лингвистики, т.е. понимает слово как концепт. В пятом разделе *Jazykový obraz sveta (Языковая картина мира)* З. Ковачова рассматривает историю возникновения понятия «языковая картина мира», также уделяет внимание рефлексии времени, расстояния и продолжительности в словацком языке и освещает проблематику языковой картины мира и её динамику на фоне обозначения родственных связей. В шестом разделе *Metafora a jazyková reprezentácia konceptu (Метафора и языковая репрезентация концепта)* речь идёт о телесности как схеме представления и о границах сосуда – как схеме представления, превышающей телесность. В последней седьмой главе *Evolúcia slova znamená živé slovo (Эволюция слова значит живое слово)* З. Ковачова занимается наслаиванием и контаминацией концептов – возникновением новой номинации, а также освещает проблематику понимания фраземы как концептуальной метафоры.

В монографии, освещающей данные языковые явления, соблюден принцип экспланации в подходе к интерпретации языка. Книга методологически основана на нарративно-дискурсивном анализе, теории эволюции живого слова, а также в ней на практике применяется теория Джорджа Лакоффа о воплощении предпонятийных

схем. Методологическую основу составляют работы Н. Ф. Алефиренко, Б. Ю. Нормана, Н. Б. Кориной, а также классические работы М. Джонсона и Д. Лакоффа. З. Ковачова в своей книге исходит из концептуальной основы человеческого познания, рассматривает концепт по нескольким степеням. Автор выражает образный характер своего мышления и его отражение в языке, а также считает когнитивную метафору как фигуру мышления функциональной. Анализируемый языковой материал проявляется в функциональности ассоциаций в многократных номинативных актах и направлен на образование ассоциативных сетей, описывающих процесс того, как человек распознает и хранит в своей памяти новые слова и значения и каким образом сам образует косвенные образные номинации.

Из анализа акта коммуникации вытекает, что смыслом коммуникации является понимание. Понимание как смысл и цель коммуникации, которое можно одновременно считать очень сильной неотделимой мотивацией, состоит в начале из процесса образования артикулированной речи и в разных формах транспонируется в варианты и виды коммуникации, а также и в её качество.

В смысле постулатов когнитивной лингвистики понимание в речи и языке носит синергетический

характер. Сущность понимания заключается в том, что человек, реальность и сведения принимаются в целых концептах, которые могут взаимно комбинироваться, частично перекрываться, наслаиваться и даже кооперироваться. Характер концепта имеют слова, фраземы и структуры предложений. Используя базовые положения теории Д. Лакоффа о воплощении предпонятийных структур, З. Ковачова разъяснила зарождение косвенных номинаций на основе сопоставления примеров из словацкого и испанского языков. Из анализа языкового материала, в частности фразем и лексикализованной метафоры вытекает, что в обоих языках данная предпонятийная схема является функциональной. Лексикализованная метафора как основа косвенных сравнительных номинаций содержит аналогичные, иногда даже идентичные лексемы в обоих языках. Прототипичность предпонятийных схем является опознавательной, главным образом в фраземах *padnúť do oka, mať niekoho v žalúdku*. Лингвистический сопоставительный и дистрибутивный анализ показали, что речь идёт об увеличенной сети аналогий, связующих звенья, возникшие на основе ассоциаций. При возникновении новых или актуальных номинаций происходит переносная трансформация в значении слова и слово приобретает новое

значение, что внешне применяется как коннотация. Смысловые смещения ведут к идентификации эволюции слова и способствуют возникновению теории живого слова (Алефиренко). Теория живого слова и понятие «живое слово» имеют своё обоснование в развитии теории Хомского, согласно которой наша речь развивается так же, как и всё живое.

Через нарративно-дискурсивный анализ З. Ковачова обозначила проникновение в скрытые механизмы возникновения *ассоциативно-образной структуры знаков косвенной номинации*, т. е. косвенных или метафорических названий. Этот механизм устанавливает номинации и одновременно активизируется в самом процессе понимания. Он является ключевым для взаимопонимания. Значение слова имеет несколько слоёв, в которых неявно отражается как чувственный опыт, исторический и общественно-культурный контекст, так и опыт, вытекающий из социальных взаимодействий. В новых, но одновременно типологически идентичных взаимосвязях и контекстах доминантно активизируется один из слоёв семантической структуры слова. Этот слой может быть определён как ключевой, благодаря своей коммуникативной действительности в языково-речевом взаимодействии. Для своей перцептивной понятности и смысловой прозрачности

обосновывается и узуализируется в языке относительно новое значение.

В рецензируемой нами книге представленный языковой материал однозначно доказывает предположение, что проводимый З. Ковачовой анализ основан на понятиях, воспринимаемых автором как понятия, опосредствованные словом. Понятие возникает как действие метафоры, называемой концептуальной или когнитивной. Понять образные косвенные номинации – значит понять метафору. Степень понимания З. Ковачова определяет тем, что она сама спонтанно образует косвенные номинации метафорического характера. Приведённое предположение и заключение З. Ковачова подкрепляет языковым материалом на примере концептов *vidieť* и *vedieť, sedieť*, оппозиции *vysoký – nízky, spievať* в значении *hovoriť*.

Таким образом, ещё раз хочется отметить, что монография З. Ковачовой отличается чёткостью композиции, продуманным

расположением материала, написана соответствующим научным и одновременно доступным языком. Автору в полной мере удалось рассмотреть вышеназванную проблематику, при этом З. Ковачова показала глубокие знания в освещаемых вопросах и продемонстрировала умение работать с источниками, поэтому, как нам кажется, её монография имеет большое теоретическое и практическое значения. Кроме этого, рецензируемая нами монография З. Ковачовой, безусловно, окажет позитивное влияние на дальнейшие исследования в области когнитивной лингвистики с акцентом на язык и понимание. Она будет полезна не только когнитивистам и лингвистам, но и аспирантам и студентам.

В целом, монография З. Ковачовой является интересной и серьёзной работой, заслуживающей положительной оценки.

Ян Галло

AUTORI ČÍSLA

doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

Надія Кириленко, кандидат філологічних наук, доцент

Кафедра української мови і літератури Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка (Україна)
nadiakyrilenko@gmail.com

doc. PaedDr. Zdeňka Matyušová, Ph.D.

Katedra slovanských jazyků a literatur – Oddělení ruského jazyka a literatury
Pedagogické fakulty Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích (ČR)
matyus@pf.jcu.cz

Навасельцава Ганна Віктараўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

Кафедра літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава,
(Беларусь)
novoseltseva.anna@mail.ru

Mgr. Augustín Sokol

doktorand v študijnom programe *Lingvodidaktika* na UKF v Nitre (SR)
augustin.sokol@ukf.sk

prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jsokolova@ukf.sk

Валентина Владимірова, кандидат філологічних наук, доцент

Керівниця секції «Українське літературознавство» Сумського територіального відділення МАН (Україна)
vladymyrova2017@gmail.com

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 9, 2020, 1

Toto číslo vyšlo v septembri 2020

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky: PhDr. Ľuboslav Horvát
Sadzba: Mgr. Peter Horváth

Rozsah: 52 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464